

Основано на романе Милтона Хатута

ДВА БРАТА

Рабио Мун

Габриэль Ба

18+

УДК 82-312.1
ББК 84(70)
М90

Перевод с английского Дарьи Берёзко
На русском языке публикуется впервые

Издано с разрешения Synopsis Literary Agency

Мун Фабио, Ба Габриэль
М90 Два брата / Фабио Мун, Габриэль Ба; пер. с англ. Д. Берёзко. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. — 232 с.: ил. — ISBN 978-5-00146-981-0.

Ливанские иммигранты Халим и Зана начинают совместную жизнь. И вопреки желанию Халима заводят детей. Их близнецы Омар и Якуб — похожие как две капли воды, но совершенно разные по характеру — становятся причиной медленного распада семьи. Братьев еще подростками разлучают на пять лет, надеясь, что все ссоры и разногласия позабудутся. Однако расстояние и время только подчеркивают разницу, а непростые отношения братьев усугубляет ревнивая любовь матери, болезненно привязанной к дому и мечтающей контролировать жизнь каждого члена семьи. Все это скрыто в стенах дома, но происходит на глазах одного почти незаметного зрителя — рассказчика, который и сам — одна из тайн, что навсегда останутся здесь, в доме Заны, в портовом районе Манауса.

ISBN 978-5-00146-981-0

Authors, illustrators Fábio Moon and Gabriel Bá
Original titles: Dois irmãos

© Milton Hatoum, original text, 2000

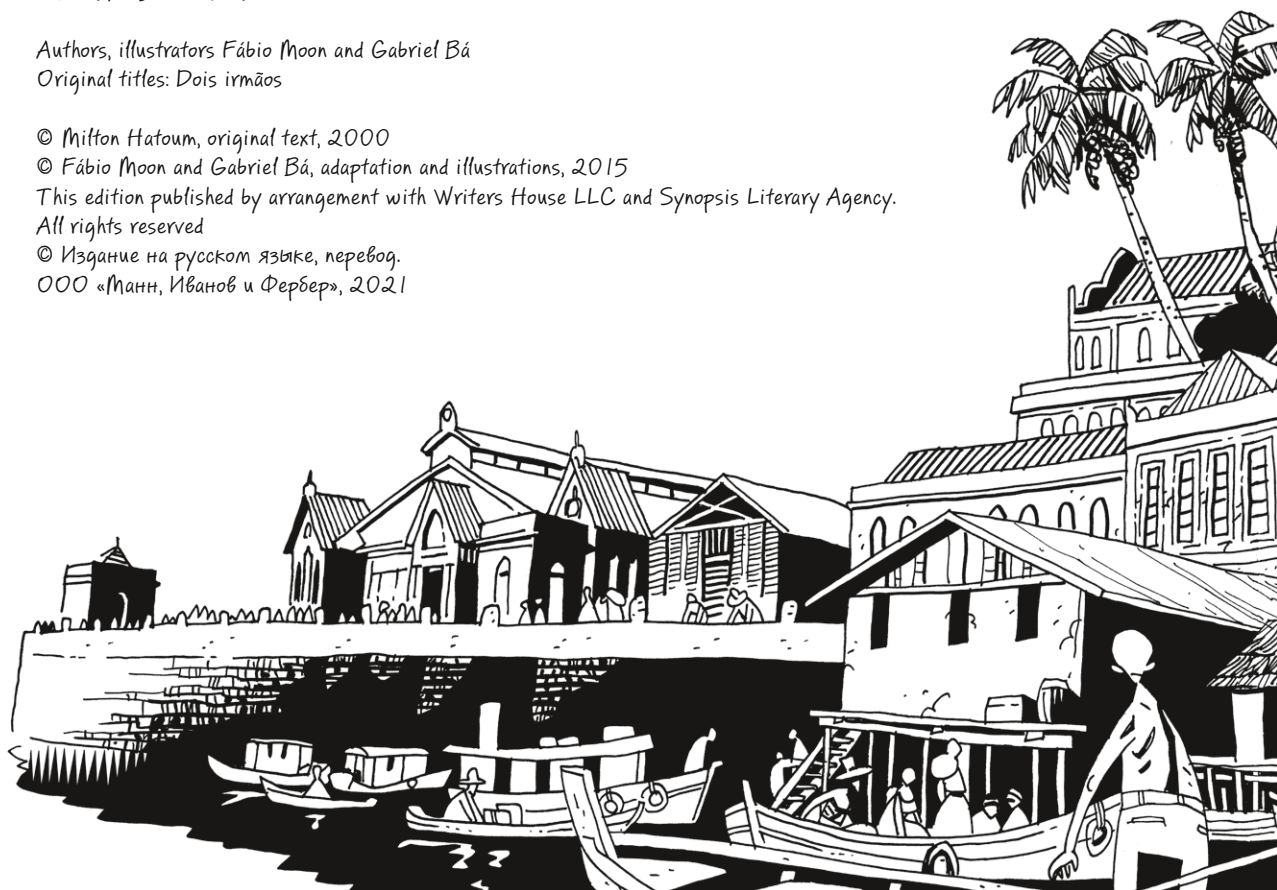
© Fábio Moon and Gabriel Bá, adaptation and illustrations, 2015

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод.

ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

Основано на романе Милтона Хатума

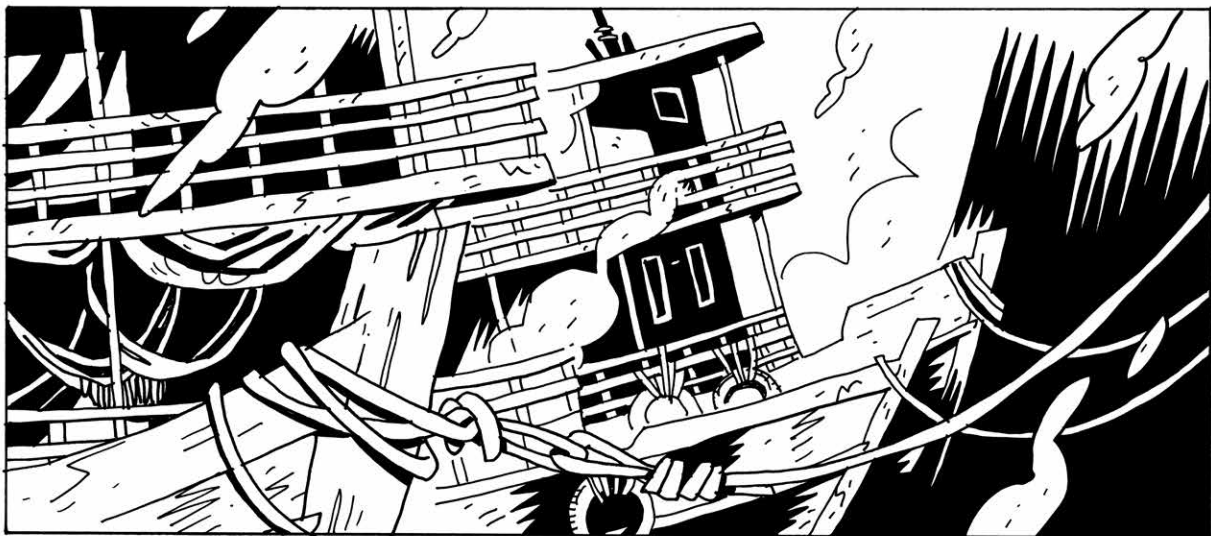
ДВА БРАТА

Рабио Мун
Габриэль Ба

Посвящается Дульсинее Карвальо Араужо,
мисс Ауде, нашей Зане

Зане пришлось
оставить всё.

Портовый район Манауса
с крутыми улицами под сенью
столетних манго...

...почти такой же значимый
для нее, как и Библ, городок
ее детства.

В кошмарах последних
ночей, перед тем как она
покинула дом, ей являлись
тени отца и тужа.

ОНИ ЗДЕСЬ,
В ДОМЕ.

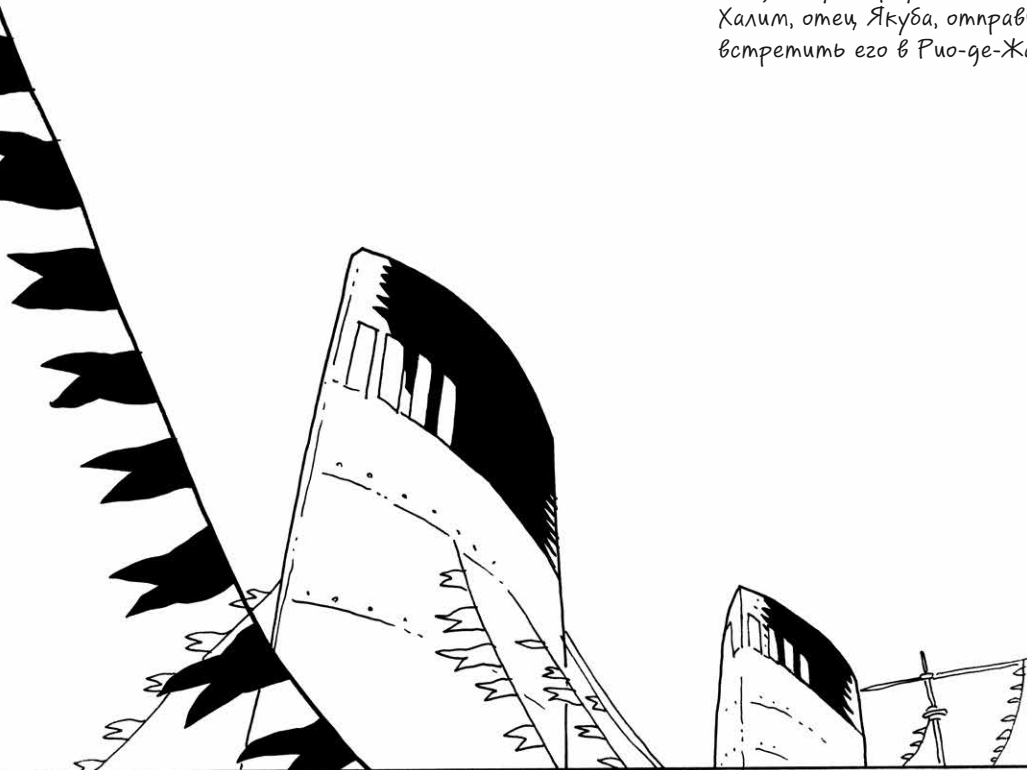

Никто не ответил.

Глава 1

Когда Якуб вернулся из Ливана,
Халим, отец Якуба, отправился
встретить его в Рио-де-Жанейро.

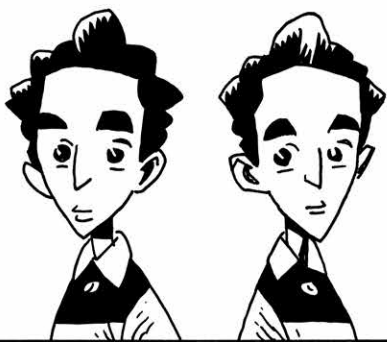

Сильнее всего
Халима угнетало
разлучение
близнецов.

Это произошло за год до Второй
мировой войны, когда им
исполнилось по тринадцать.

Халим хотел отослать в Ливан обоих.
Но Зана убедила мужа отправить
только Якуба.

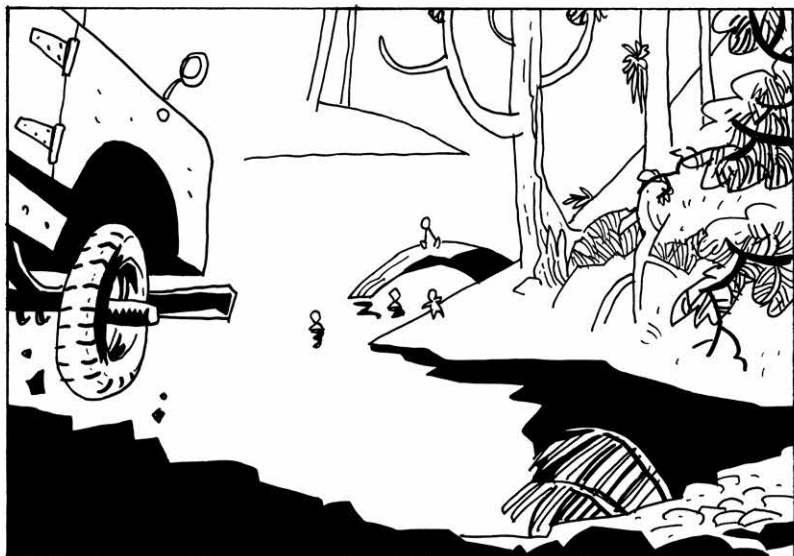
Несколько лет
к Омару относились
как к единственному сыну.

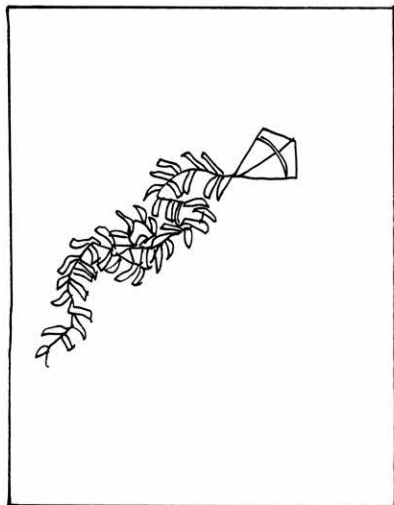

На обратном пути в Манаус Халим
непрестанно думал о воссоединении сыновей.
Как сложатся их отношения теперь,
после стольких лет, проведенных врозь?

Бал для молодежи начался ближе к ночи. В десять вечера в комнату появились разодетые взрослые, стали петь, танцевать и выгонять детей.

Якубу хотелось остаться до полуночи...

...потому что Ливия, племянница Рейносу, тоже собиралась задержаться до наступления Тепелъной среды.

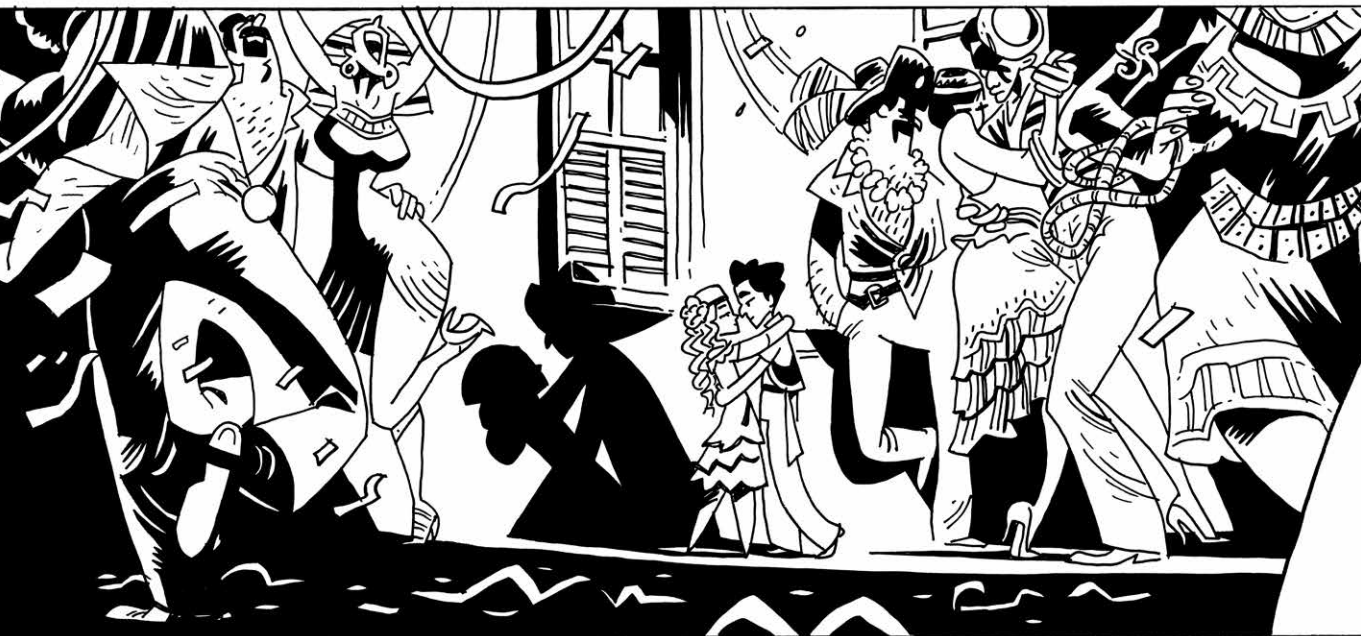
ПОТОМ
МОЖЕШЬ
ВЕРНУТЬСЯ.

ОТВЕДИ
СЕСТРУ
ДОМОЙ.

Ливия была на взрослом празднике впервые, и Якуб мечтал о том, чтобы танцевать с ней, держать ее в объятиях и чувствовать себя тоже почти взрослым.

Дождавшись, когда сестра заснет, он потчался обратно в дом Бенему.

Бал стал ему ненавистен.

Он провел бессонную ночь.

Это был последний бал Якуба.
Последний раз он видел, как
его брат Омар по прозвищу
Младший, Касула, возвра-
щается после веселой ночи.

Он не понимал, почему Зана
так и не отружала Касулу.

И почему его, а не брата отправили
в Ливан два месяца спустя.

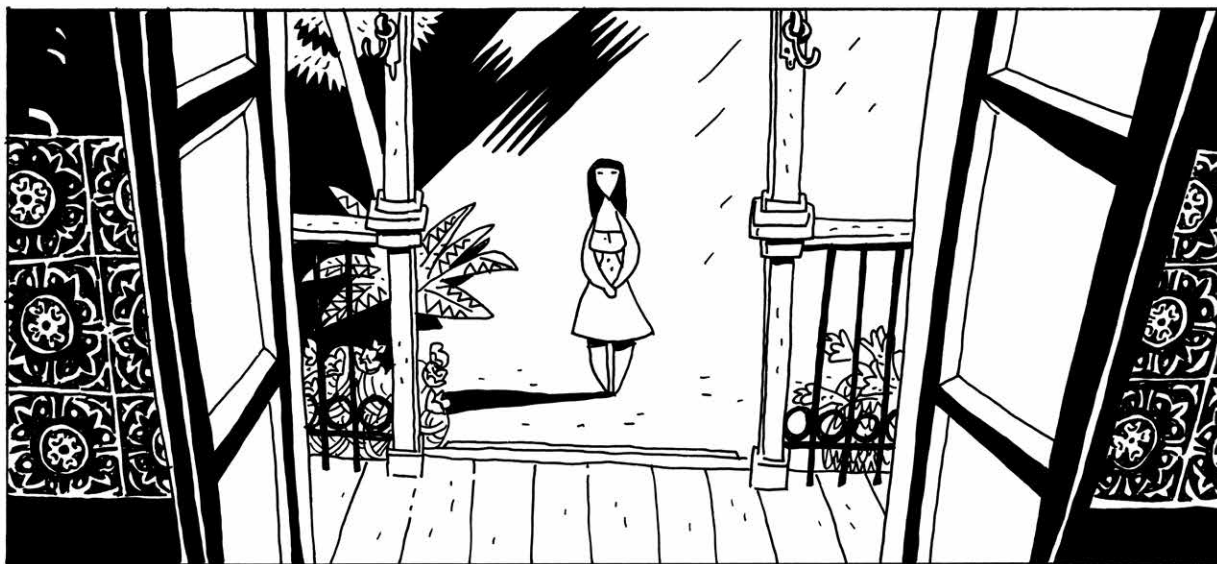
Почему ЕГО,
а не Омара?

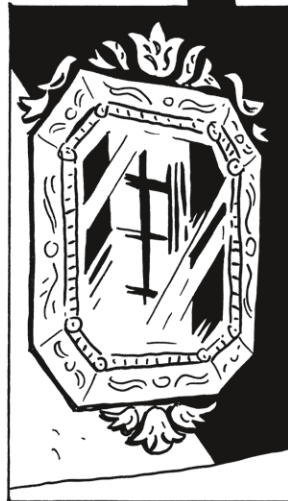
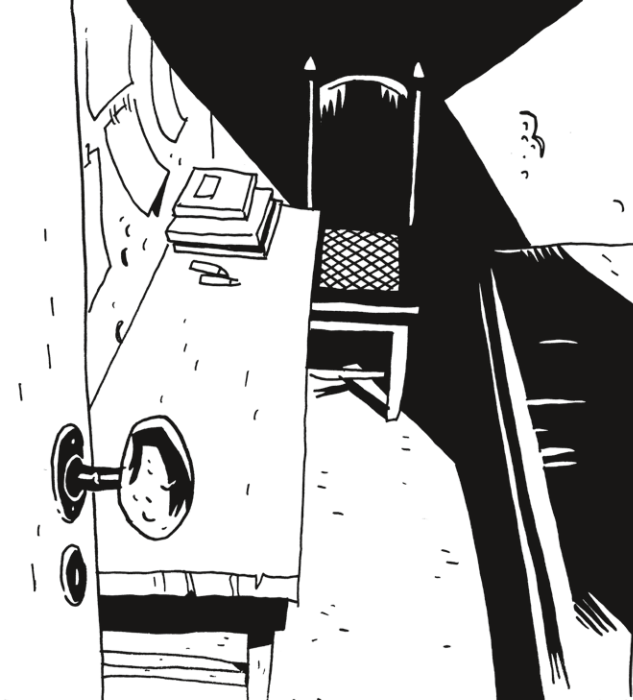

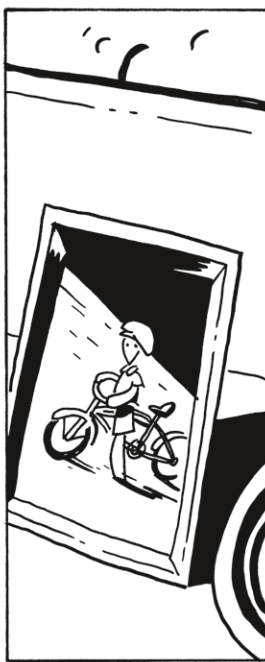
ПРИЕХАЛИ,
ДОРОГОЙ.

МЫ ДОМА.

«Здесь шла война...»

МРАЧНЫЕ ДНИ
ПЕРЕЖИЛ
МАНАУС.

ЛЮДИ ТОЛКАЛИСЬ
У ВХОДА В МЯСНЫЕ
И БАКАЛЕЙНЫЕ ЛАВКИ.

ДРАЛИСЬ
ЗА КУСОК МЯСА,
ТАЧКУ РИСА, СОЛИ,
БОБОВ ИЛИ КОФЕ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО
ДАВАЛИ
С ПЕРЕБОЯМИ...

...А ЯЙЦА БЫЛИ
ПОИСТИНЕ
ЗОЛОТЫМИ.

Она знала о малейших перетонах в жизни братьев, подглядывала за всеми, подслушивала разговоры.

Домингас без конца хлопотала по хозяйству и поэтому была в курсе всего, что творилось в доме.

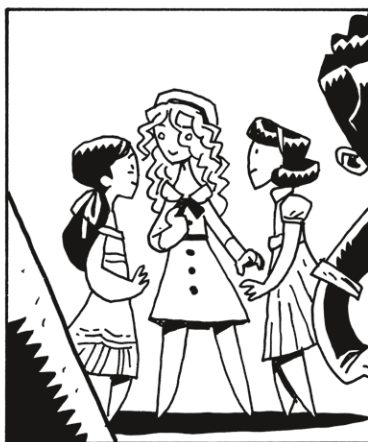
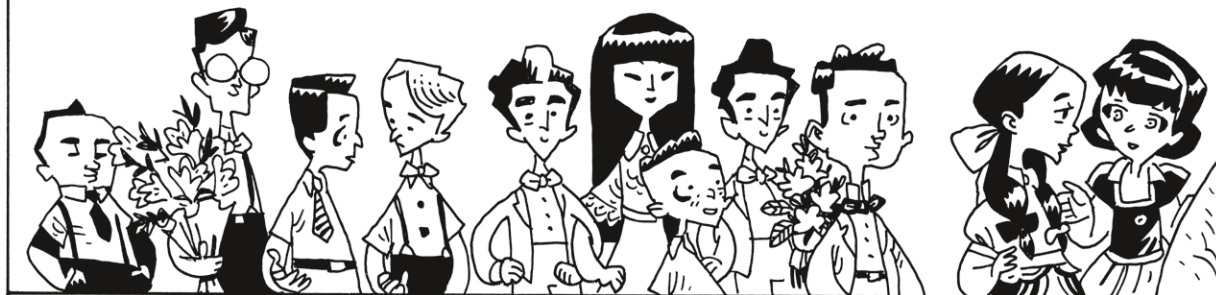
Своей историей я тоже обязан ей.

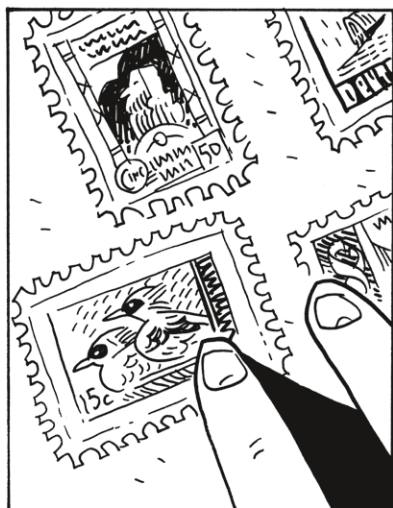
В последнюю субботу каждого месяца
Эстелита Рейносу сообщала
всем татерям в округе,
что в ее доме
будет кино.

Это случилось в один
из пастурных дней,
вскоре после карнавала.
Ребятишки спешили
к дому Рейносу.
С минуты на минуту
там ждали прихода
киномеханика.

Домингас, как обычно, наряжалась,
чтобы сопровождать близнецов.

Домингас рассказала мне,
что Зана разрыдалась, когда
увидела лицо Якуба.

Зана винила во всем Халита.
Говорила, что в воспитании сыновей
нужна твердая рука.

Халит возражал: «Я тут ни при чем.
Это ты избаловала Отара.
Обращаешься с ним так, будто он
наш единственный сын».

Шрам начал расти в душе Якуба.
Шрам, боль и чувства, которых он
не показывал и, возможно, даже
не понимал. Он копил их в себе, молча
размышлял над случившимся.

Больше братья
друг с другом
не разговаривали.

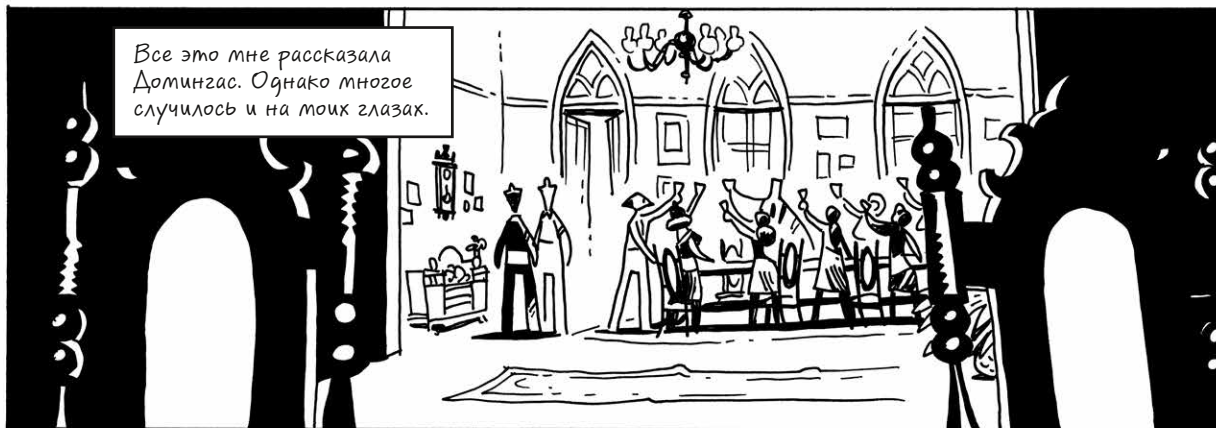
Родители опасались
худшего.

Насилие
в доме.

Тогда-то Халит и решил.
Путешествие. Разлучение.

Расстояние, которое
погасило бы ненависть,
ревность и стерло любые
воспоминания.

Каждое утро близнецы уходили в школу. Все, кто видел издали, как они идут вместе, думали, что братья окончательно потирились.

Якуб, пропустивший в Ливане несколько лет школы, казался в классе Гулливером среди лилипутов.

Он был застенчив, и его иногда принимали за труса.

Он так стеснялся разговаривать, что «п» превратился в гнусавый «б».

АА,
БОЖАЛУЙСТА,
БАБА.

Над ним насмехались товарищи и учителя, считавшие его странным и грубым.

Между тем он был гордым и заткнутым молодым человеком, не придававшим значения мнению окружающих.

Закрывшись в комнате, он до глубокой ночи зубрил португальскую грамматику.

Круглыми сутками Якуб сидел у себя. Он ни разу не купался в реке, даже по воскресеньям, когда все жители Манауса выходили на солнышко и город мирился с Риу-Негру, которую в другое время недолюбливал.

ПОСМОТРИ
НА СЫНА,
ХАЛИМ.

НЕ ВЫЛЕЗАЕТ
ИЗ НОРЫ.

ЧАХНЕТ
ВЗАПЕРТИ.

Отец не мог понять,
почему сын пренебрегает
молодостью.

Якуб был самым тихим
обитателем дома и улицы.

Свою неспособность
говорить без ошибок
он восполнял талан-
том к вычислениям.

День ото дня бледнея,
словно камелеон
на сырой стене, Якуб
не выходил на солнце,
не делал физических
упражнений и только
оттачивал навыки
решения уравнений.

В школе он всегда
первым находил
значение X , Y или Z .

В этом немногословном, косноязычном
близнеце рос блестящий математик.

ДЛЯ ТВОИХ ЗАНЯТИЙ
НЕ НУЖЕН ЯЗЫК,
ТОЛЬКО МОЗГИ.

ЯКУБ С ЛИХВОЙ
ВОЗМЕЩАЕТ ТО, ЧЕГО
НЕДОСТАЕТ ЕГО БРАТУ.

Отара, исключенного из школы
святыми отцами, наконец, принял
в другую школу в Манаусе. Годы
спустя там довелось учиться и мне.

Лицей имени Руя Барбозы.
«Прибежище вандалов»

В лицее прозябали
отбросы Манауса.

ЗДЕСЬ НЕТ ТЕХ,
КТО БЫЛ БЫ TRÈS
RAISONNABLE*, МОЙ
МАЛЬЧИК...

...сказал
учитель
французского.

Этот учитель, Антенор Лаваль, сам
большой эксцентрик, денди, сосланный
в провинцию, первым поприветствовал
нового ученика.

РАССКАЖИ
НАМ...

...КАКОЙ
ЗЛОСТНЫЙ АКТ
НЕПОВИНОВЕНИЯ
ПРИВЕЛ К ТОМУ,
ЧТО ТЕБЯ
ИСКЛЮЧИЛИ?

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ
НА УРОКЕ ОТЦА
БОЛИСЛАУ.
НА МАТЕМАТИКЕ.

«Итак, Отар,
каков ответ?»

И ПОЧЕМУ
Я НЕ УДИВЛЕН?

ЧТО ДЛЯ ДРУГИХ
ПРОСТОЕ
УРАВНЕНИЕ...

ДЛЯ ТЕБЯ
НЕРАЗРЕШИМАЯ
ЗАГАДКА...

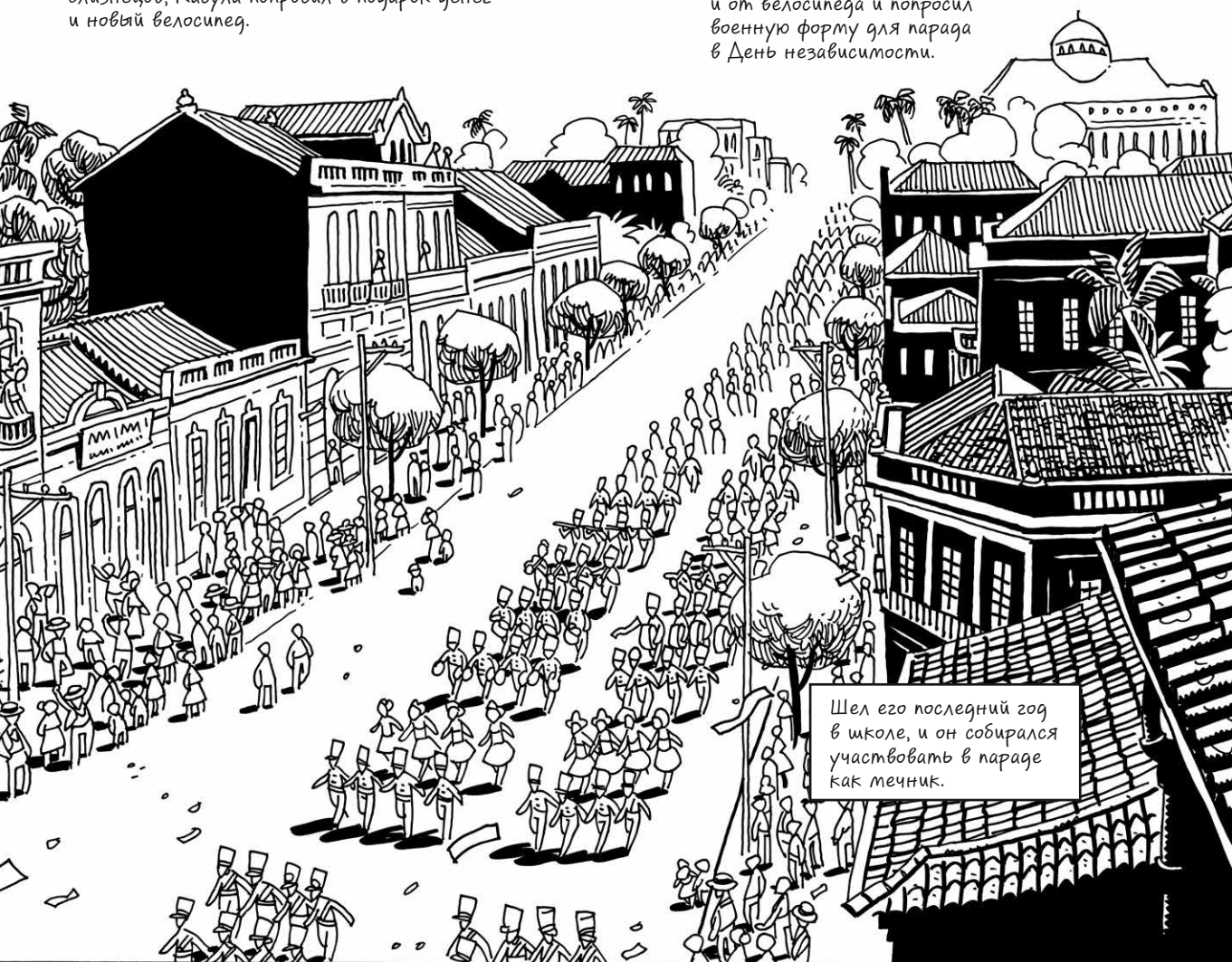
...НЕ МОЖЕШЬ
ДАЖЕ ПОСЧИТАТЬ
СДАЧУ, КОГДА ПЬЕШЬ
В БАРЕ.

* très raisonnable (фр.) — очень разумный.

Как-то в августе 1949-го, в день рождения близнецов, Касула попросил в подарок денег и новый велосипед.

Якуб отказался и от денег, и от велосипеда и попросил военную форму для парада в День независимости.

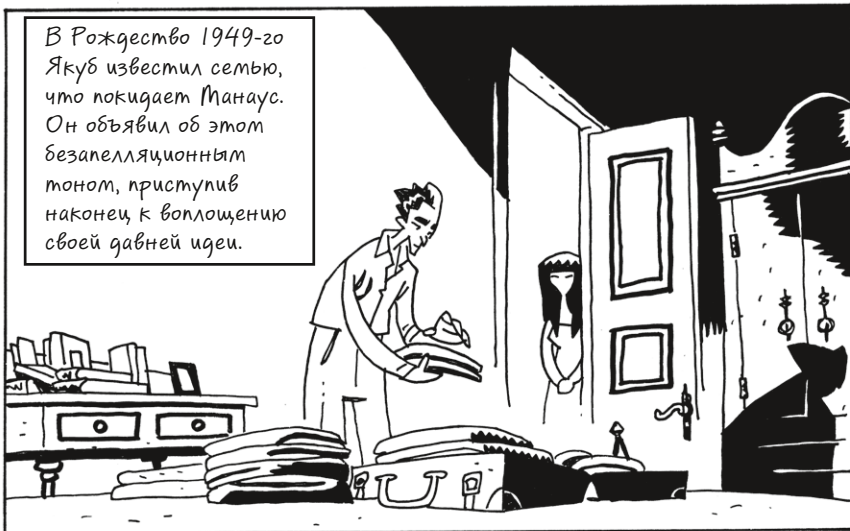

Шествие в парадной форме
было прощальным жестом
Якуба.

В салезианской школе для него
устроили пышную церемонию.
Ему вручили две медали и десять
минут произносили речи в его честь.

Казалось, что Якуба — вместе с самой
Бразилией — ждет большое будущее.

В Рождество 1949-го Якуб известил семью, что покидает Манаус. Он объявил об этом безапелляционным тоном, приступив наконец к воплощению своей давней идеи.

Это отец Болислау посоветовал ему распрощаться с городом.

УЕЗЖАЙ
ИЗ МАНАУСА.

ЕСЛИ
ОСТАНЕШЬСЯ,
ТРОВИНЦИАЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ ТЕБЯ
УНИЧТОЖИТ,
А БРАТ ЗАЖИВО
СЪЕСТ.

Решение Якуба привело Зану в стянение. Халим, напротив, поддержал желание сына поселиться в Сан-Паулу.

НО ТЕБЕ
ПОНАДОБЯТСЯ
ДЕНЬГИ. ТЫ НЕ МО-
ЖЕШЬ ПОКИНУТЬ
ДОМ С ПУСТЫМИ
РУКАМИ.

НЕТ, БАБА,
МНЕ НИЧЕГО
НЕ НАДО.

НА ЭТОТ РАЗ
Я САМ ХОЧУ
УЕХАТЬ.

ОТЕЦ
ВЫШЛЕТ ТЕБЕ
СОДЕРЖАНИЕ.

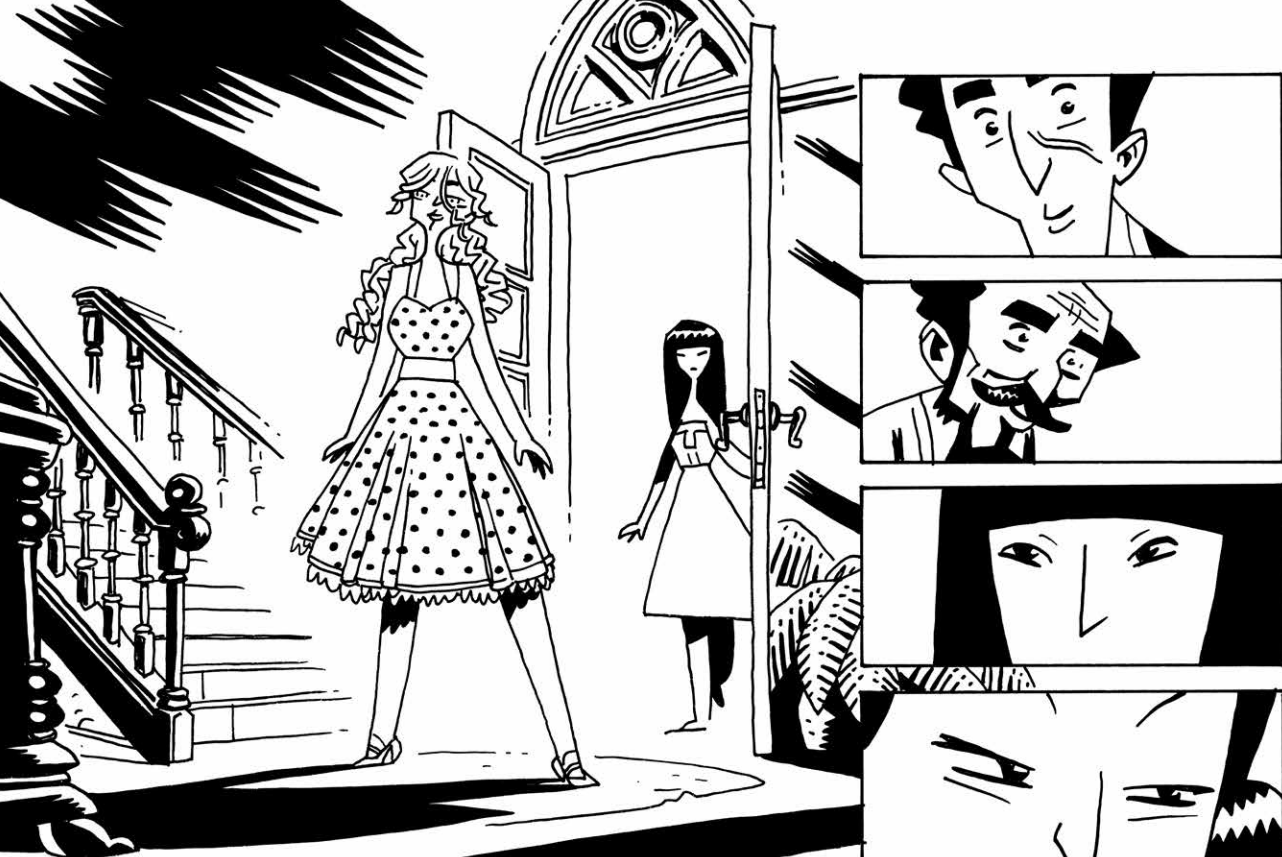
УЧЕБА...

У ТЕБЯ НЕ БУДЕТ
ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ
РАБОТАТЬ.

НИ ГРОША.

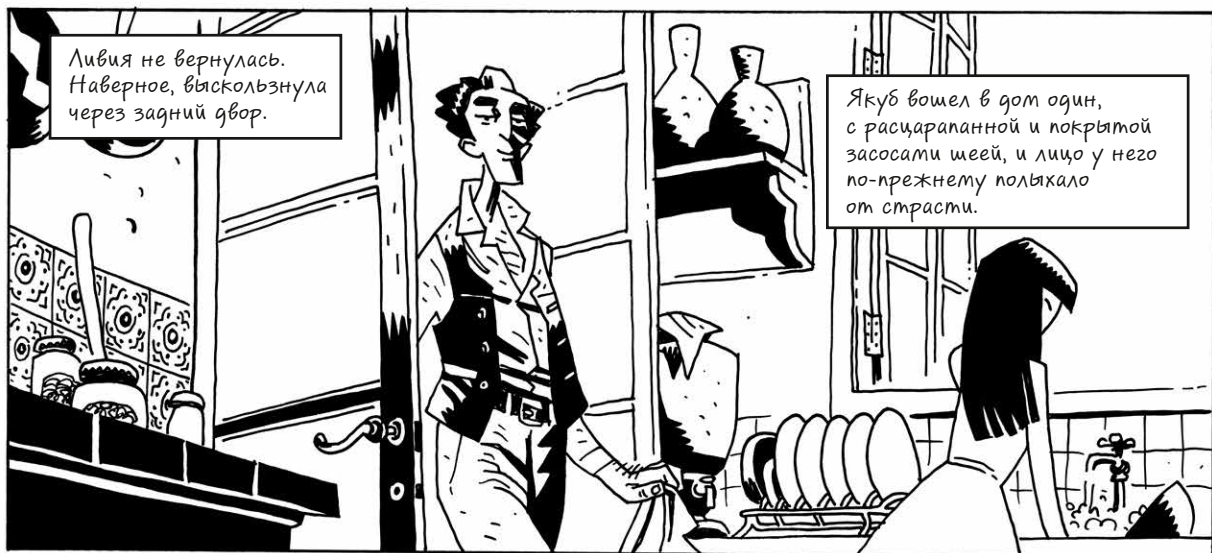
Они не вернулись
ни к десерту, ни к кофе,
ни к окончанию снесты.

ДОМИНГАС, СХОДИ
УЗНАЙ, КУДА ОНИ
ДЕЛИСЬ.

Домингас, тяжело дыша,
не проронила ни звука.
Она смотрела на эту сцену
с отвисшей челюстью,
а потот удалилась. Во рту
у нее пересохло, словно и сама
она отчаянно желала испить
той самой воды.

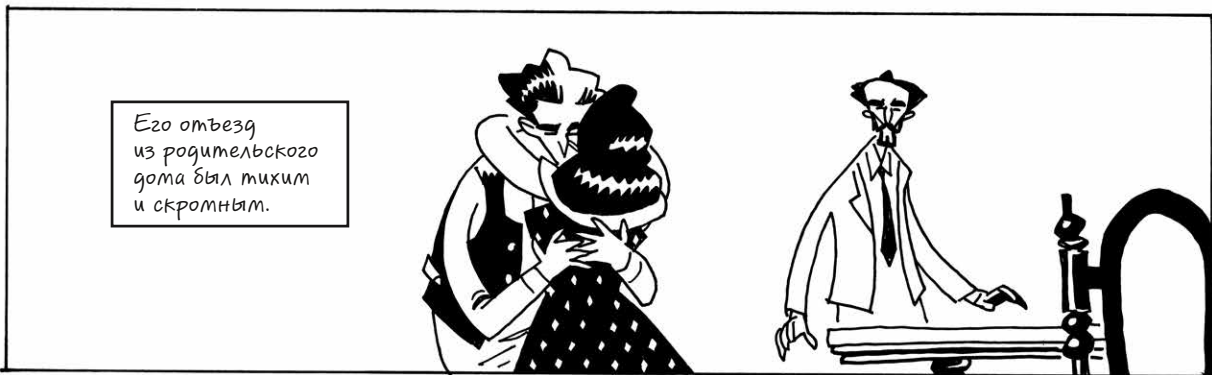

Ливия не вернулась.
Наверное, выскользнула
через задний двор.

Якуб вошел в дом один,
с расцарапанной и покрытой
засосами шеей, и лицо у него
по-прежнему полыхало
от страсти.

Так он и уехал, в мятой одежде,
со вздохшим лицом и вздерженной
шевелюрой, в которой остались не-
сколько веточек и белокурых волосков.

Его отъезд
из родительского
дома был тихим
и скромным.

Таким же скромным,
как и жизнь в этом
доме, где он казался
всего лишь тенью.

Глава 2

В 1914 году Галиб открыл ресторан «Библ» на первом этаже дома.

С самого открытия «Библ» стал местом встречи для ливанцев, сирийцев и тарокканских евреев, живших на площади Богоматери Исцеляющей и окрестных улицах.

Они говорили на смеси португальского с арабским, французским и испанским, и из этой невнятной речи рождалась история переплетенных жизней, проходившая через карусель голосов, которые рассказывали обо всем понемногу.

В «Библе» ели, пили и курили, откладывая сиесть, чтобы пообщаться подольше.

Вдовец Галиб сам готовил, ухаживал за садом и помогал разносить еду, в одной руке держа поднос...

...а второй обхватив
гочь Зану.

Халит стал навещать
в «Библ» сначала по субботам,
а потом и каждое утро, зака-
зывать рыбу, фаршированный
баклажан или кусочек жарено-
го маниока.

Он доставал из кармана
фляжку, пил арак
и пожирал глазами Зану.

Несколько месяцев он сидел
в одиночестве в углу зала, при-
ходя в возбуждение всякий раз,
как показывалась дочь Галиба.

Его взгляд был устремлен лишь на девушку в центре комнаты. Он сделал три шага по направлению к Зане, выпрямился и стал декламировать гасаль глубоким голосом, твердым и мелодичным, взволнованно взмахивая рукой.

Пятнадцатилетняя Зана была обескуражена и спряталась за отца.

Выражение лица Халима, устремленные к Зане глаза и даже все его поры источали головокружительное счастье.

Закончив, он так и стоял, глядя на Зану голодным и многообещающим взором. Торжественная тишина подчеркивала мощь этого момента.

Затем он покинул «Библ». Два месяца спустя Халим возвратился как муж Заны.

Галиб пригласил друзей с пристани Катрайа, со ступенек на площади Ретедиос, рыбаков и торговцев рыбой, поставлявших свой товар в «Библ», и приятелей с озер Карейру и реки Камбиксе.

Степь людей, различавшихся языком, происхождением, внешностью и одеждой.

Халит показал мне альбом со свадебными фотографиями и достал оттуда свою любимую.

МАРОНИТСКИМ КАТОЛИЧКАМ В МАНАУСЕ НЕВЫНОСИМА БЫЛА МЫСЛЬ, ЧТО ЗАНА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ ЗА МУСУЛЬМАНИНА.

КАКОЙ-ТО УЛИЧНЫЙ ТОРГОВЕЦ, РАЗНОРАБОЧИЙ С ГОР ЮЖНОГО ЛИВАНА, ГОВОРИЛИ ОНИ.

ОХ УЖ ЭТИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ.

ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ СЛОВНО НА СЦЕНЕ, А ЗРИТЕЛЬ ОСВИСТЫВАЕТ ВАС, ДВУХ ВЛЮБЛЕННЫХ.

НО ЧЕМ ГРОМЧЕ СВИСТЕЛИ В ЗАЛЕ, ТЕМ БОЛЬШЕ АРОМАТА Я НАНОСИЛ НА БРАЧНЫЕ ПРОСТЫНИ.

ЭТО БЫЛ ЖАДНЫЙ И МСТИТЕЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ.

Я ЗАСТАВИЛ УМОЛКНУТЬ ЯДОВИТЫЕ ЯЗЫКИ...

...И ВЕСЬ ГАЗАЛЬ АББАСА БЫЛ В ТОМ ПОЦЕЛУЕ.

Зана сказала отцу, что ему стоит съездить в Ливан, навестить семью, родину. Эти слова были музыкой для ушей Галиба.

Он отплыл на борту «Хильдебранда», исполинского корабля, что привез в Амазонию множество эмигрантов.

Галиб, вдовец.

Портрет Галиба висел на стене в гостиной.

Зана получила от отца два письма. Два письма, и на этом все.

Он умер во сне в Библе, в своем доме у моря.

Весть о его смерти пришла не сразу.

ТЕПЕРЬ
Я СИРОТА.
БЕЗ ОТЦА
И БЕЗ МАТЕРИ.

ХОЧУ ДЕТЕЙ,
ХОТЯ БЫ
ТРОИХ.

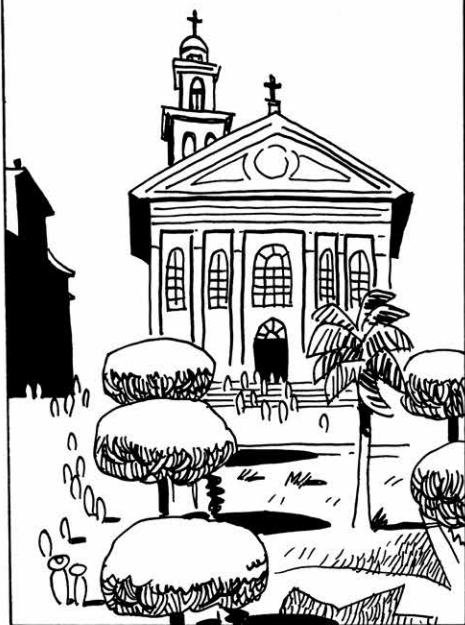

Зане она нравилась.
Они вместе молились:
одна читала молитвы,
выученные в Библие, вторая —
молитвы, затверженные
в монастырском приюте
здесь, в Манаусе.

В воскресенье по утрам Зана
не поддавалась приставааниям
Халима и убежала в церковь
Богоматери Исцеляющей.

Но едва она возвра-
щалась домой...

Домингас пугала
неистовость, с ко-
торой хозяева зани-
мались любовью.

Постепенно она
привыкла к тому,
что их бесстыдно
переплетенные тела
могут оказаться
в любом месте
в любое время.

Якуб и Отар родились через два года после того, как в доме появилась Домингас. Халим был поражен, когда повитуха показала два пальца, сообщая о том, что у него близнецы.

Они родились дома, Отар — на несколько минут позже.

Он был младшим, Касулой.

«Моя черная обезьянка, мой волосатый тальш», — приговаривала Зана.

Отар был чуть темнее, и у него было больше волос.

Первые несколько месяцев Отар часто болел, и мать окружала его непрестанной ревнивой заботой.

Якуба оставили на попечение Домингас.

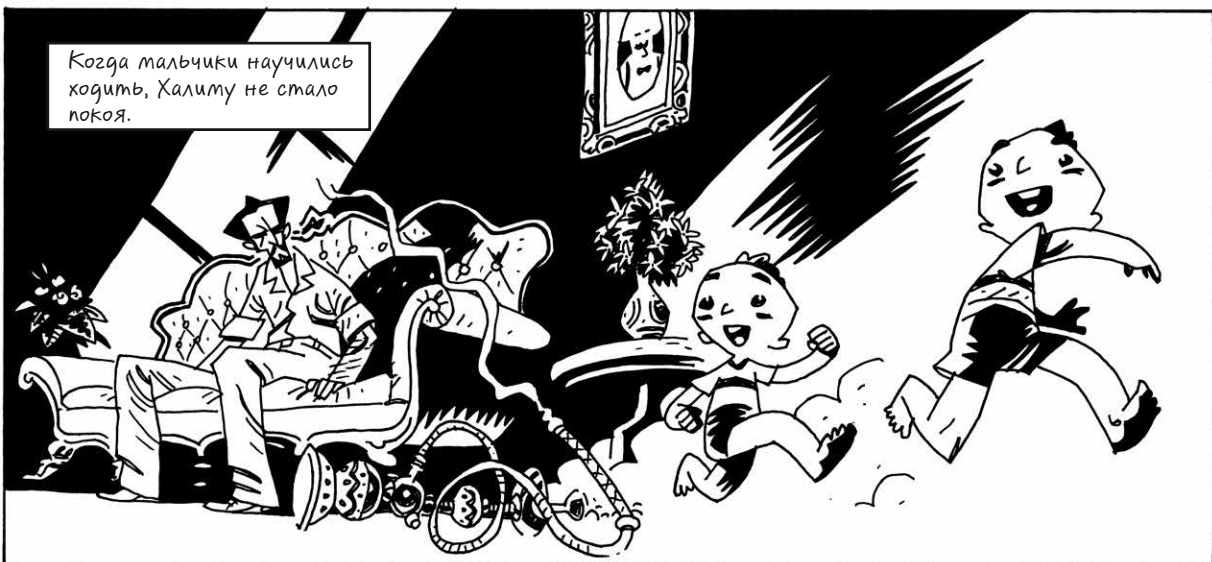
Два месяца Халиму запрещалось касаться тела Заны.

Этот запрет и неустанная забота жены об Отаре казались ему безумными.

Постепенно он снова завоевал Зану, но пришлось попрощаться с теми временами, когда они содрогались от удовольствия по всему дому.

Когда тальчики научились ходить, Халиму не стало покоя.

Снова открывая магазин после, Халит в честь произошедшего устраивал распродажу всего, что загромождало комнату.

Это был несчастный праздник, случившийся все реже и реже.

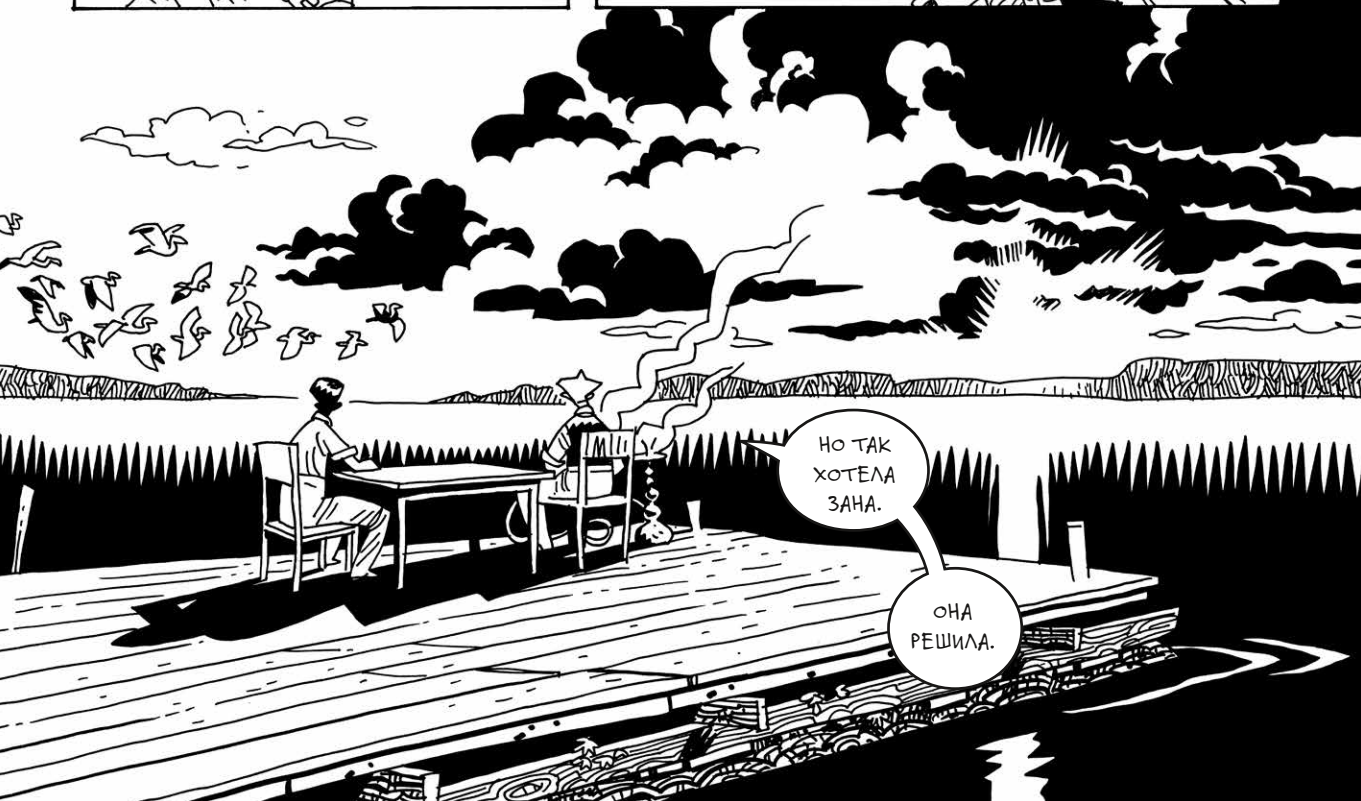
Дети вторглись в жизнь Халита, и он к этому так и не привык. Но все же это были его дети, Халит проводил с сыновьями время, рассказывал им истории.

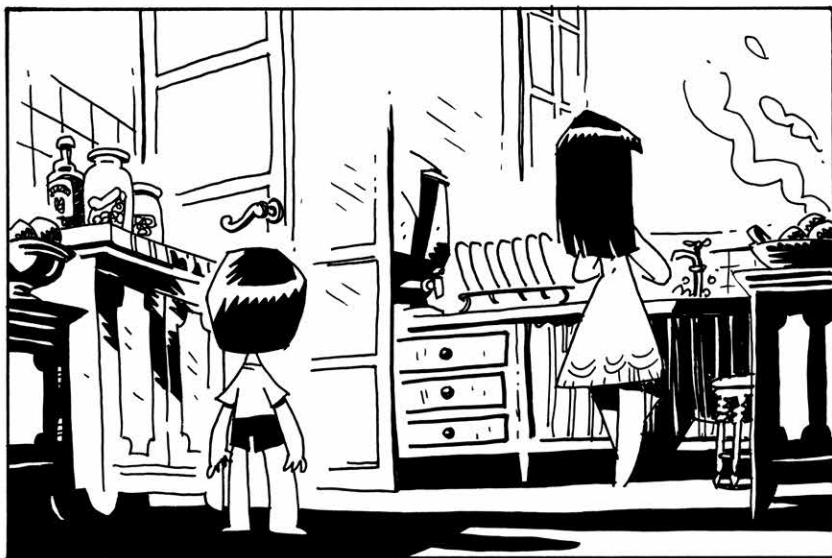
Халита вполне можно было назвать отцом. Просто он понимал, что дети лишили его многих удовольствий и личного пространства.

Годы спустя они лишили его и спокойной жизни вкупе с хорошим настроением.

Глава 3

«ХОЛОД
И ОДИНОЧЕСТВО
НЕ СЛИШКОМ МЕНЯ
БЕСПОКОЯТ».

«СЕРЬЕЗНОСТЬ
И ЭНТУЗИАЗМ
ПО ОТНОШЕНИЮ
К РАБОТЕ...

...ОПРЕДЕЛЯЮТ
ЭТУ НОВУЮ ЖИЗНЬ,
КОТОРУЮ ВЕДУТ ЛЮДИ
В ОДИНОЧЕСТВЕ,
ВДАЛИ ОТ СЕМЬИ.

Я ТЕПЕРЬ
ЖИВУ НЕ
В ДЕРЕВНЕ...

...А В БОЛЬШОМ
ГОРОДЕ».

Омар, напротив, был для меня абсолютно реален. Его тело раскачивалось на веранде в перерывах между кутежами и похмельем.

Он не присоединялся к чтению писем, равнодушный к успеху брата.

ДА УЖ, ЭТОТ
ПАРЕНЬ ТОЧНО
НЕ ПОХОЖ НА ТОГО
ПЕНТЮХА, КОТОРОГО
Я ВСТРЕТИЛ В РИО.

ЭТОТ ПЕНТЮХ —
ТВОЙ СЫН.

А МОЙ —
ВТОРОЙ...

...БУДУЩИЙ
ДОКТОР ПЕРЕД
МУНИЦИПАЛЬНЫМ
ТЕАТРОМ.

ПРОХВОСТ,
РАЗОДЕТЫЙ,
ЧТОБЫ КАЗАТЬСЯ
ВАЖНЫМ.

Я представлял себе Якуба
через тело и голос Омара.

В нем жили оба близнеца, потому
что Омар всегда был рядом.

О себе я не знал ничего:
ни как я пришел в этот
мир, ни откуда.

Я не знал своего
происхождения.

Своих корней.

С годами я начал
подозревать...

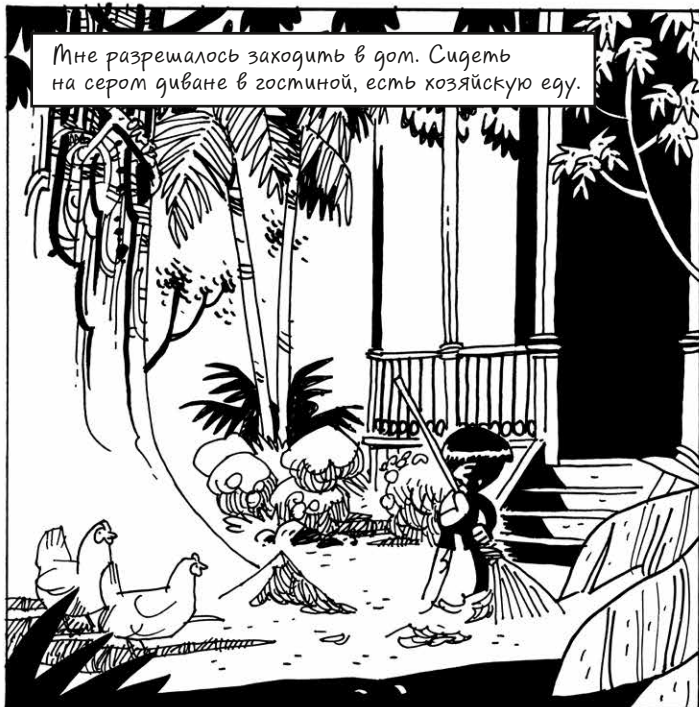
КТО-ТО
ИЗ БЛИЗНЕЦОВ —
МОЙ ОТЕЦ?

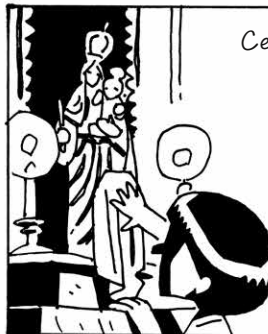
Домингас держала меня
в неведении, возможно думая,
что однажды я сам узнаю правду.

Мне разрешалось заходить в дом. Сидеть
на сером диване в гостиной, есть хозяйскую еду.

Семья не возражала.

Когда я не был
в школе,
то помогал
по хозяйству.

Зана придумывала
тысячи поручений
каждый день.

По утрам, когда я надевал форму и готовился идти на занятия, меня останавливало новое задание Заны.

Я пропускал школу дважды, а то и трижды в неделю.

Опаздывал с домашней работой. Учителя ругались.

Домингас плакала, глядя, как я без передышки бегаю по дому, пропуская уроки и глотая оскорбления.

Однажды, устав от всей этой рутины, она попросила у Заны воскресный отгул.

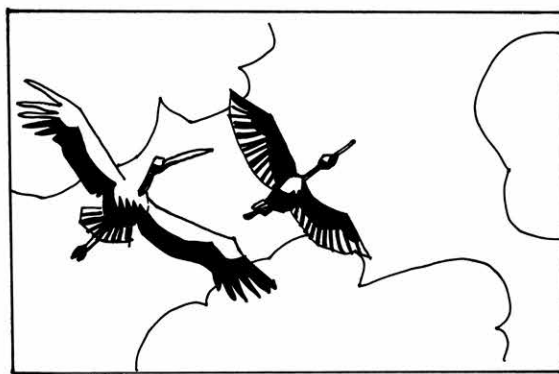
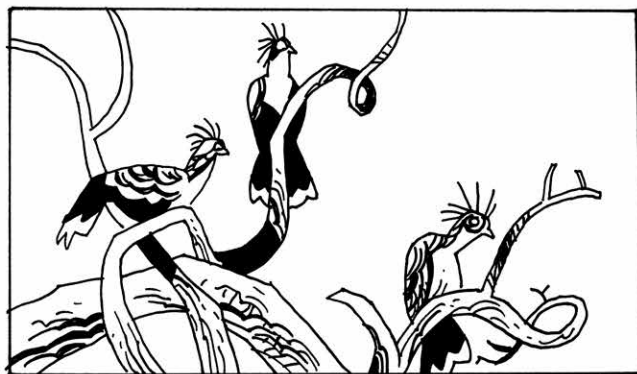
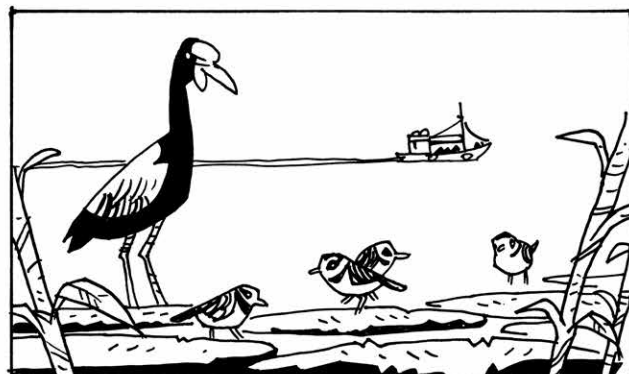
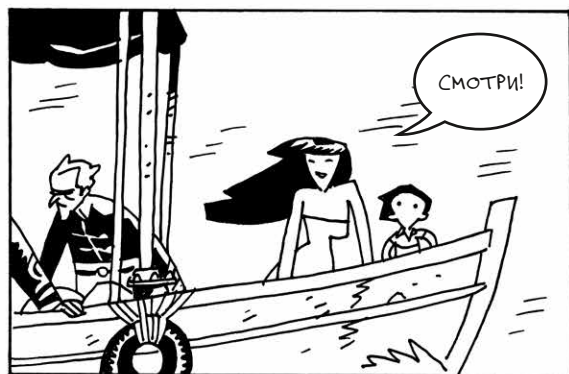
Было еще темно, когда она потрясла мой гамак.

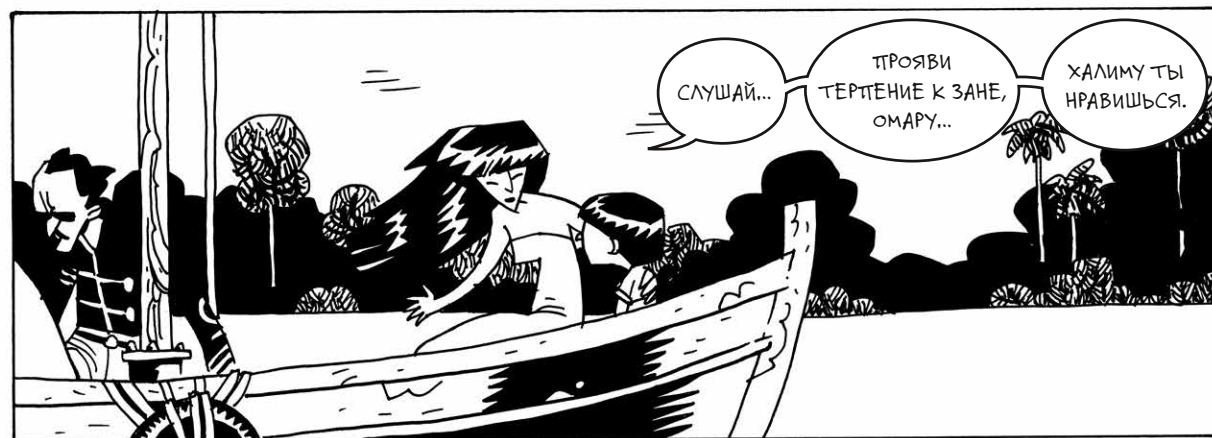
ПРОСЫПАЙСЯ, МИЛЫЙ.

ПОЙДЕМ.

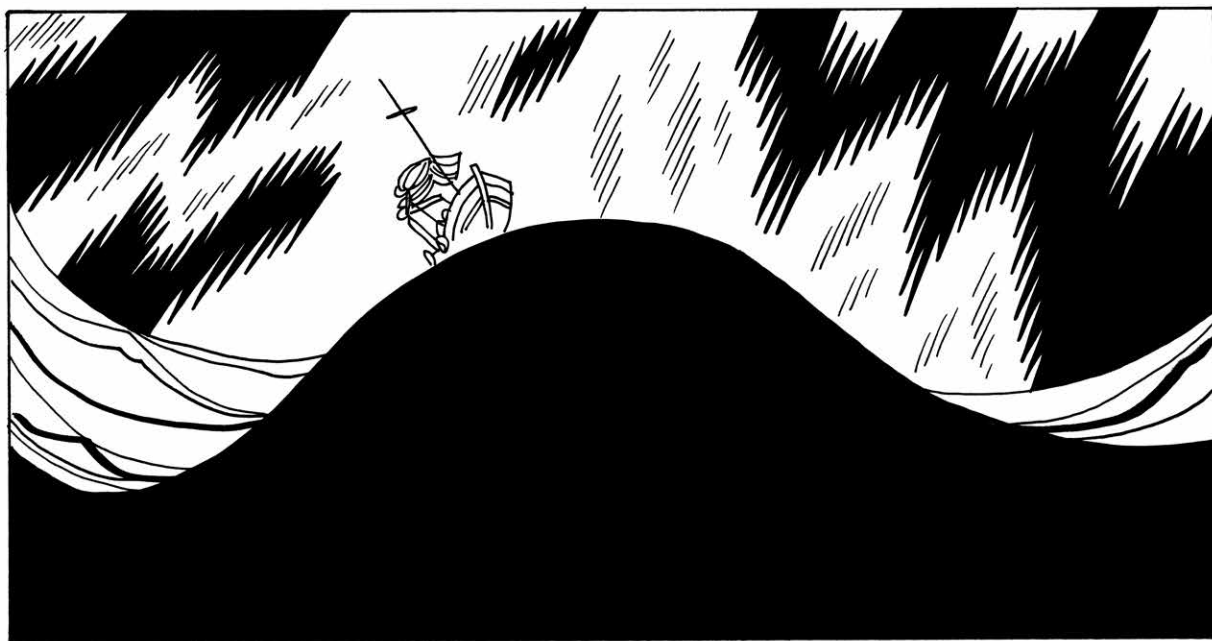
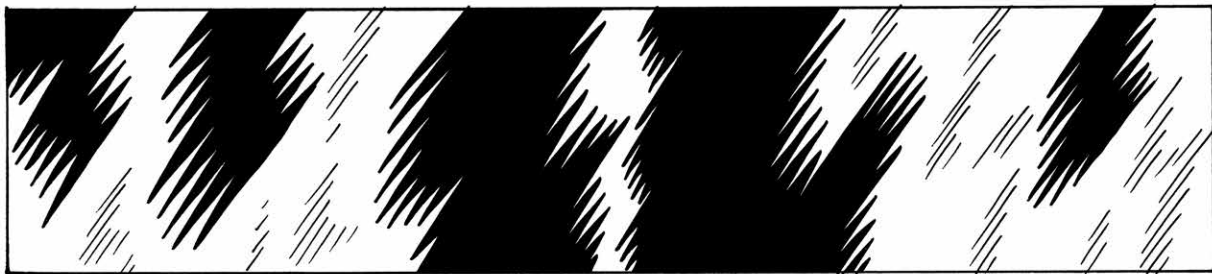
Я так и не понял,
боялась ли мать
поздно вернуться
в Манаус...

...или, как знать,
может, она боялась
остаться здесь
навсегда.

Мы отправились обратно
на той же лодке, с местными,
плывшими в Манаус продавать
кур, свиней, рыбу и маниок.

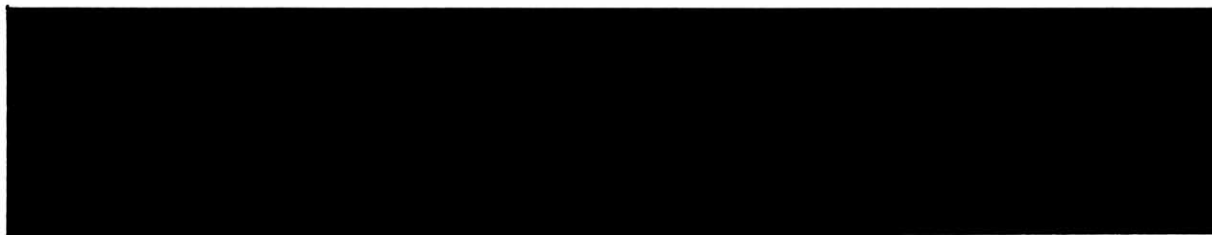
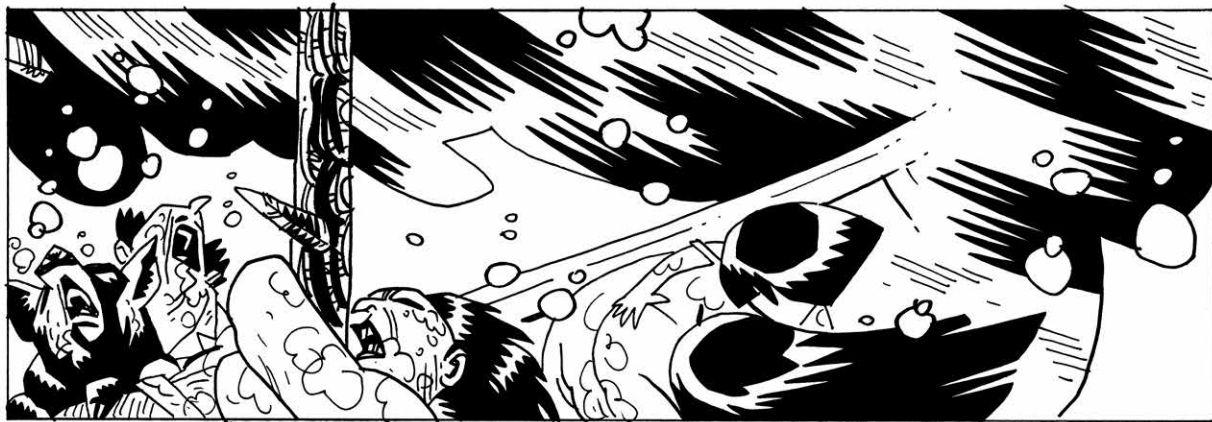

Мать стошнило первой.

Потом наступил
той черед.

Мы вернулись к ночи.
По-прежнему шел ливень.
Мы чувствовали себя
просто ужасно.

Домингас сразу прошла в свою
каютку и легла в гамак.

Я заснул на полу, ощущая
тошноту и кислый привкус
во рту.

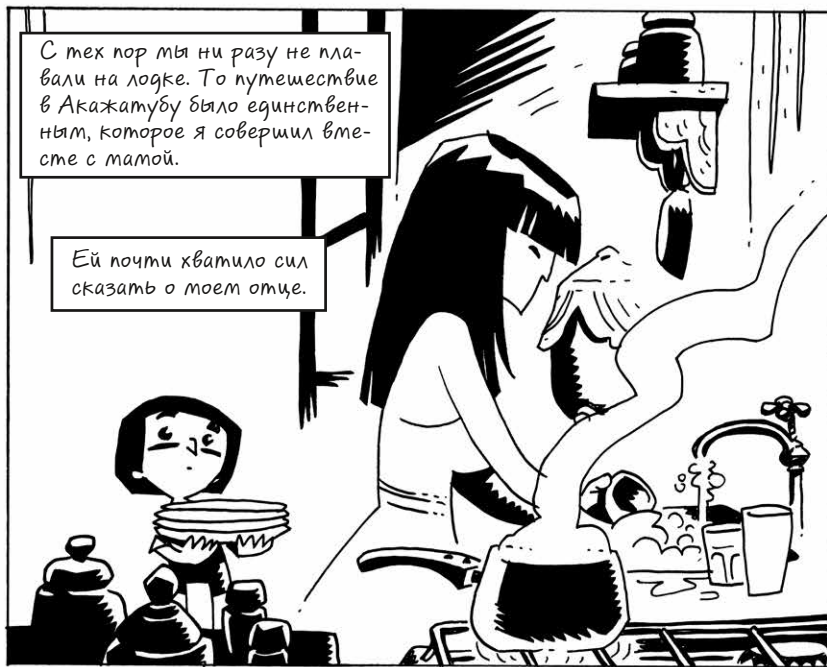
Посреди ночи меня
разбудил голос
Домингас.

ТЕБЕ
НРАВИТСЯ
ЯКУБ?

ТЫ ПОМНИШЬ
ЕГО?

ПОМНИШЬ
ЕГО ЛИЦО?

Больше я ничего не слышал.

С тех пор мы ни разу не пла-
вали на лодке. То путешествие
в Акажатубу было единствен-
ным, которое я совершил вме-
сте с мамой.

Ей почти хватило сил
сказать о моем отце.

Но она увильнула
от темы и сделала вид,
что не помнит своих
ночных вопросов.

Клялась,
что не произносила
имени Якуба.

Уклончивость, недомолвки,
забывчивость, а точнее, желание
забыть.

Но я помню. Я всегда был жажен
до воспоминаний...

...до неизвестного прошлого,
выброшенного на случайном
пляже у реки.

После того плавания
Халит предложил, чтобы
я занял вторую комнату
на заднем дворе.

С тех пор это место в саду стало
моим убежищем. Оно принадлежало
только мне.

Когда я по ночам перелезал через
забор и уходил, Домингас дожидалась
моего возвращения.

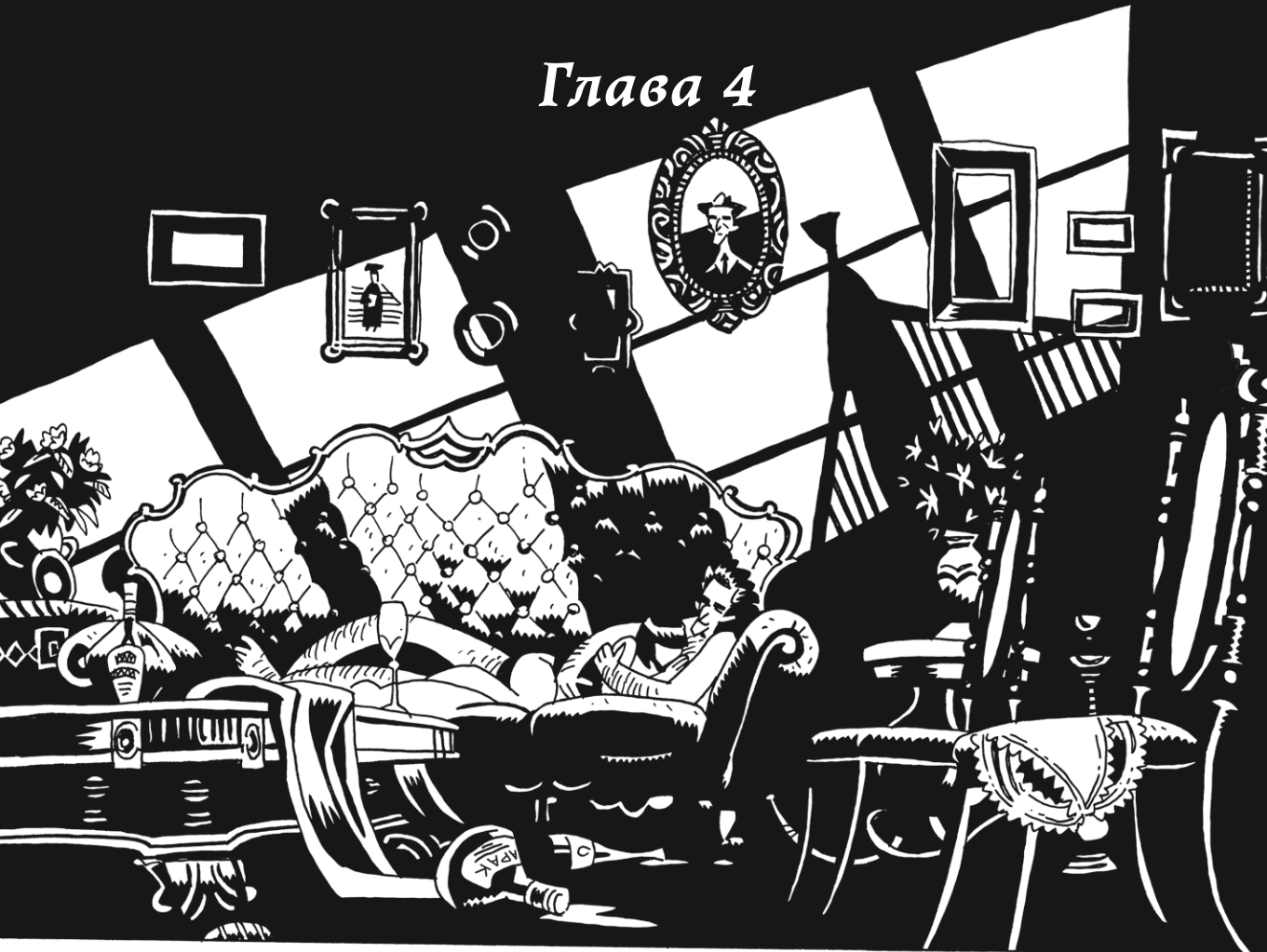

Она боялась, что моя судьба
соплется с судьбой Отара,
как две буйные реки.

Воды, несущиеся
вперед и не знающие
покоя.

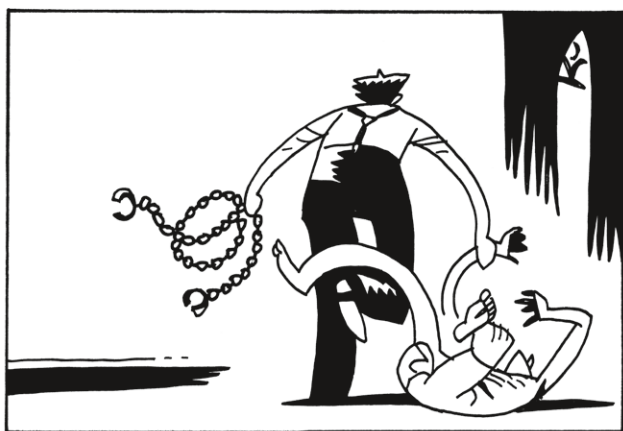

Глава 4

В 1956-м Касула уже бросил «Прибежище вандалов» и ни разу не заикался о дальнейшем обучении, дипломе и тому подобном.

Он вел ту же жизнь, что и прежде.

Теперь крутой парень, ночной гуляка и распутник валялся на ковре, прикованный к сейфу.

Любой задира легко уязвим. Знал ли это Халит, державшийся столь невозмутимо?

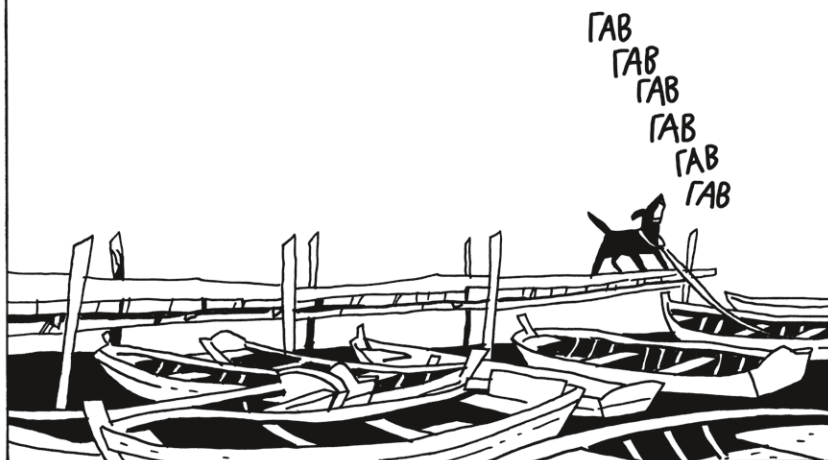
Он ударил сына и ушел. Исчез на два дня. Зана не смогла помешать. Она не успела прийти сыну на помощь.

Меня послали искать Халита, и я обошел весь центр, проверяя разбросанные в порту палатки, ресторанчики и дешевые бары Плавучего городка.

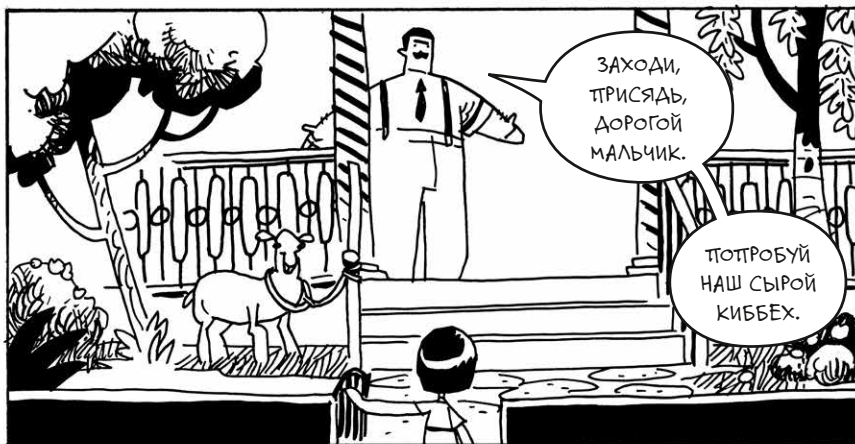
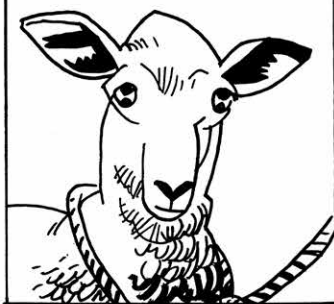
На пристани Эскадария, в конце причала, с пеной у рта лаяла собака, привязанная к лодке, бедняжка.

Ее вид напомнил мне нашего узника с распухшим лицом.

Рано утром, накануне
дня рождения Заня,
меня позвал к себе
Талиб.

ЗАХОДИ,
ПРИСЯДЬ,
ДОРОГОЙ
МАЛЬЧИК.

ПОПРОБУЙ
НАШ СЫРОЙ
КИББЕХ.

ХОЧЕШЬ
ПРОГЛОТИТЬ
МОЮ ДОЧЬ
ЖИВЬЕМ,
ШАЛУН?

НУ,
СТУПАЙ.

ЗАБЕРИ
ЯГНЕНКА.

Мать закрыла уши. Блеяние было жалобным и полным отчаяния.

Она убежала и спряталась. «Бедный маленький агнец божий», — приговаривала она.

Я с детства привык свежевать ягнят.

И весь год ждал, когда получу баранью ногу.

Якуб тем временем уже женился и снова отказался от родительских денег.

Он не раскрыл имя жены, лишь сообщил о свадьбе телеграммой.

Для Заны женатый сын был то же самое, что утерянный или покинутый.

Она притворялась, что ее совсем не интересует имя невестки, и еще больше внимания уделяла Отару, которого тянуло к матери, как железные опилки к магниту.

Шел слух, что Омар ухаживает за женщиной старше него. Эту новость принесла Захия Талиб в день рождения Заны.

ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ.

ДОБРЫЙ
ВЕЧЕР,
ЗАНА.

Я СЛЫШАЛА,
ОМАР НАШЕЛ
СЕБЕ ТАКУЮ
ЖЕНЩИНУ!

ГОВОРЯТ, ОНИ
ВСЮ НОЧЬ
ТАНЦЕВАЛИ
В АКАТУЛЬКО.

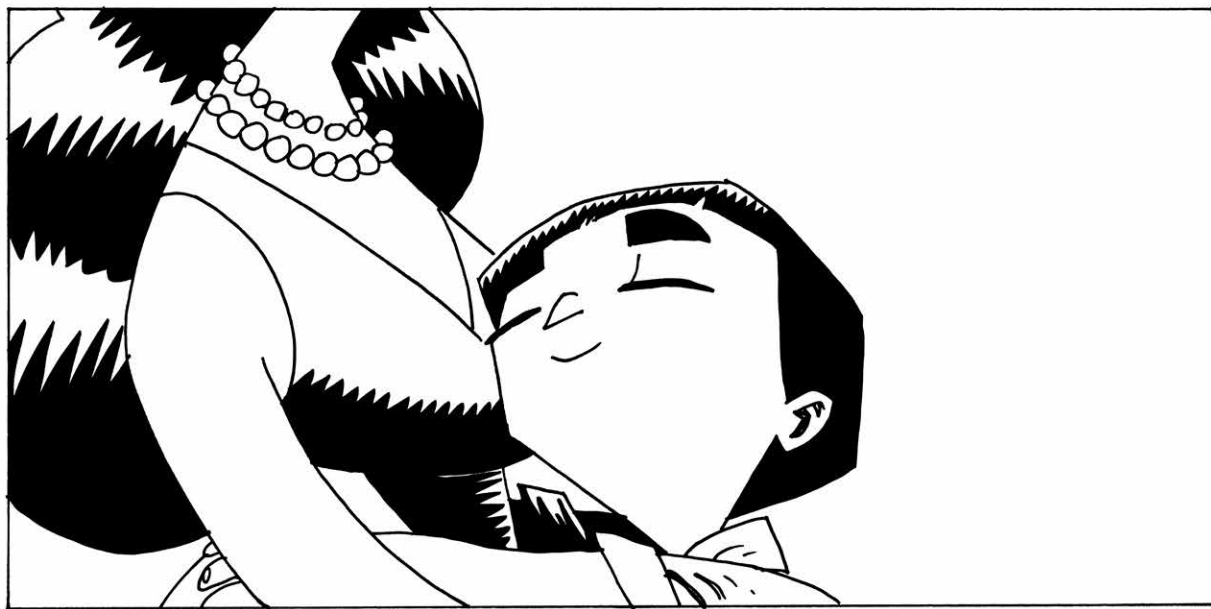
ТАКУЮ ЖЕНЩИНУ?
В АКАТУЛЬКО? БОЖЕ,
ЗАХИЯ, КАК ПЛОХО
ТЫ ЗНАЕШЬ МОЕГО
ОМАРА.

А ВЕДЬ ОН
ВСЕГДА
ВОСХИЩАЛСЯ
ТОБОЙ.

День рождения Заны был единственным вечером в году, когда Рания наряжалась, душилась и подавала надежду приглашенному матерью ухажеру...

...который никогда
не возвращался в дом
на следующий год.

Зана не обращала внимания на женщин, которых приводил в дом Омар. Он ухаживал за безымянными женщинами, и о них нельзя было сказать: «Это дочь, внучка или племянница того-то».

В отличие от Заны, Рания ревновала Омара, но умела скрывать свои чувства.

Обе из всех сил старались производить впечатление королевы вечера, когда он приходил с очередной подругой.

В тот вечер, когда случился эпизод с Серебряной Женщиной...

...у них появилась соперница.

Предыдущие женщины не могли бы даже пошатнуть пьедестал Заны, не говоря о том, чтобы свергнуть ее.

У них не было имен: Омар звал их «любовь моя» или «принцесса».

Но у этой женщины было имя.

На этот раз Зана решила не притворяться.

С милой улыбкой и полным презрения взглядом она повернулась к незваной гостье, зная, что той никогда не стать женой ее сына...

Эта женщина заранее проиграла.

Сила Далии зарождалась в ее теле и перетекала в полыхающее красное платье, еще более чувственное, мятежное и полнокровное, чем плоды гуараны.

После десерта Рания удалилась в свою комнату, потому что даже ее ухажер был заморожен Далией.

Она ушла, не пожелав никому спокойной ночи.

В комнате погасили свет.

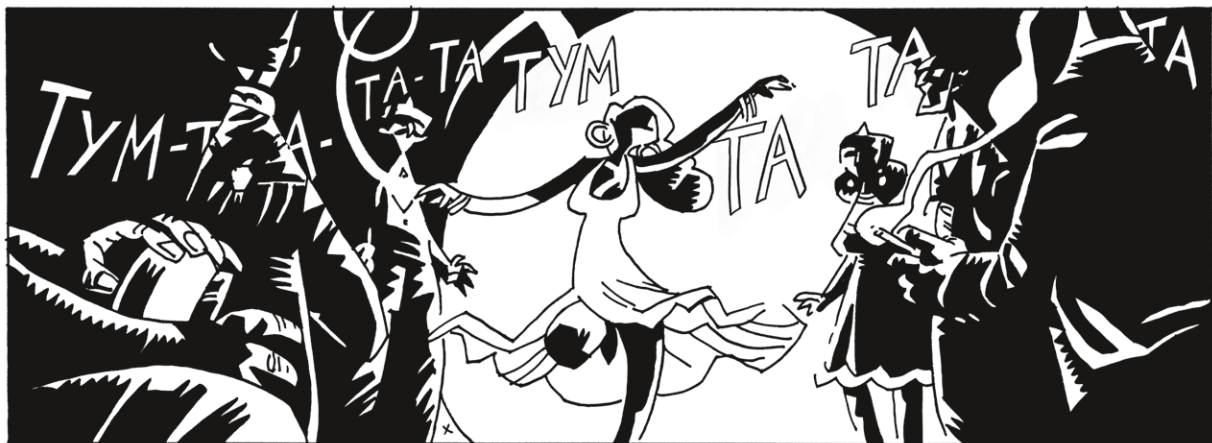
Тогда и началась ночь.

БУМ БУМ
БУМ БУМ

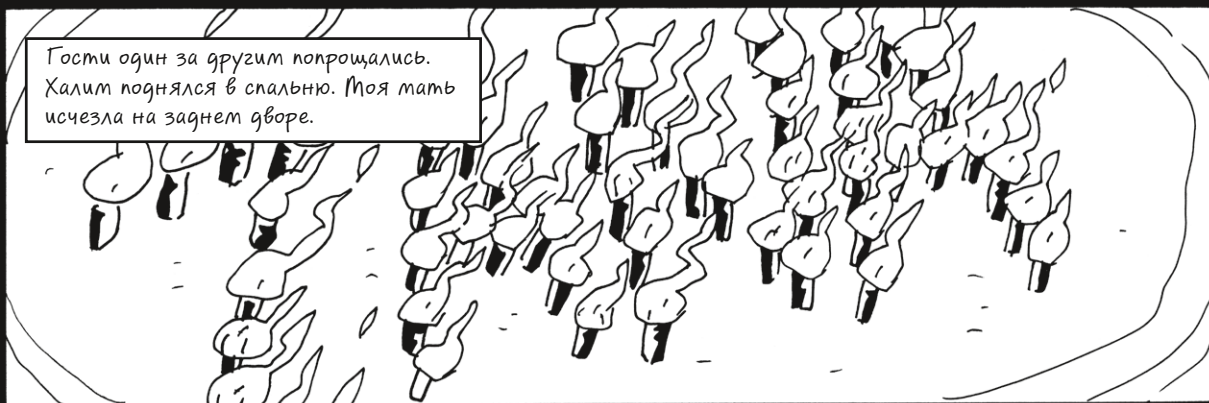

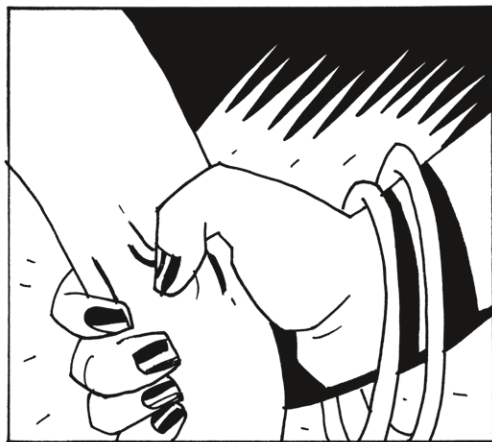
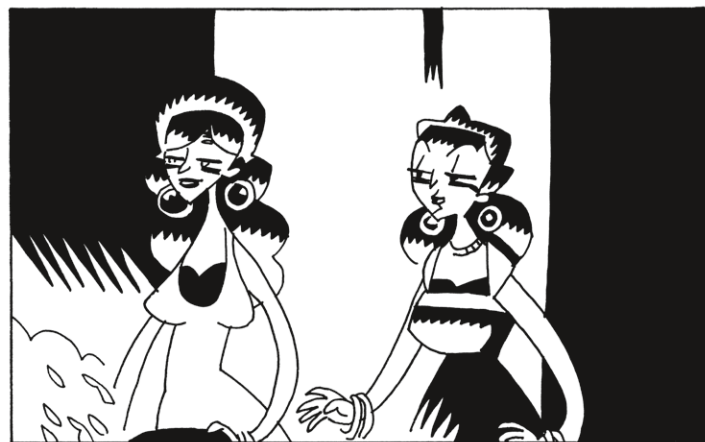

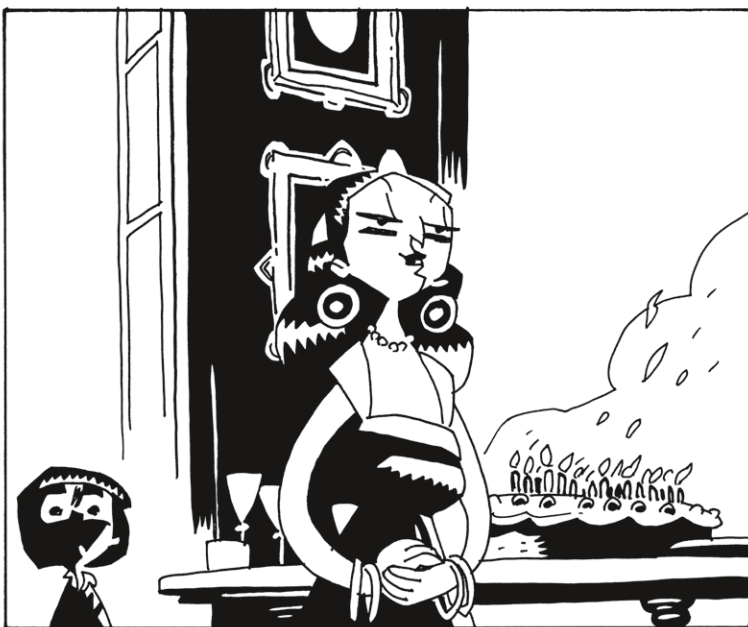
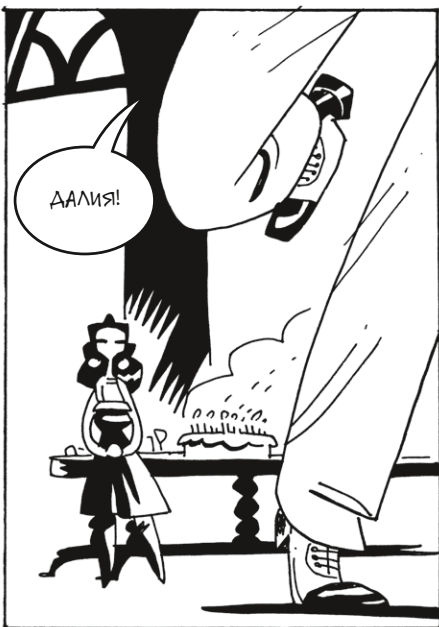
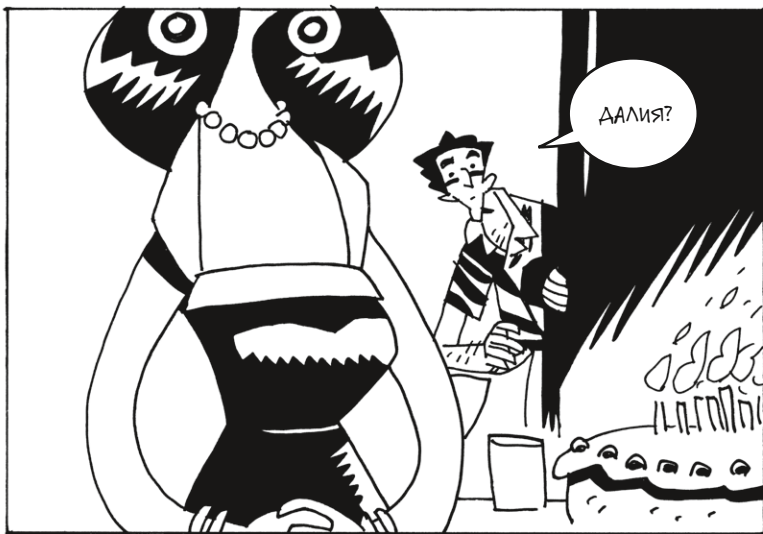
Гости один за другим попрощались.
Халит поднялся в спальню. Моя мать
исчезла на заднем дворе.

Музыка стихла.

Впоследствии мы узнали, что Далия была одной из Серебряных Женщин, выступавших по воскресеньям в Малока-дос-Барес.

Зана выяснила, что за крышу и тела над головой танцовщица — разваливающийся домик на северной границе Манауса, в Вила Сатурнино.

Я пришел к ней по поручению Заны.

ТУК
ТУК

Даже при свете дня, без такияжа и вечернего платья, Далия была красавицей.

Она жила с двумя тетюшками:
швеей и конфетчицей. Все трое
находились на грани нищеты.

Мне предстояла
постыдная миссия.

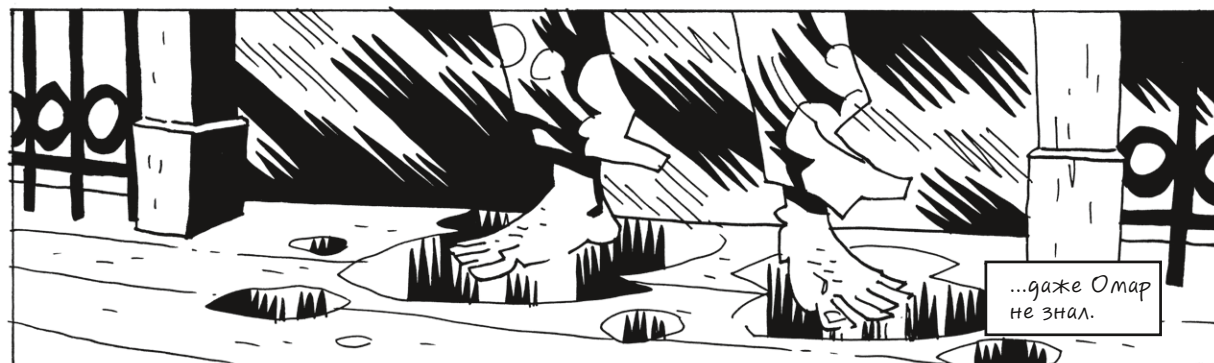

Тетюшки неохотно, но приняли
предложение. В застойном Манаусе
любые деньги были манной небесной.

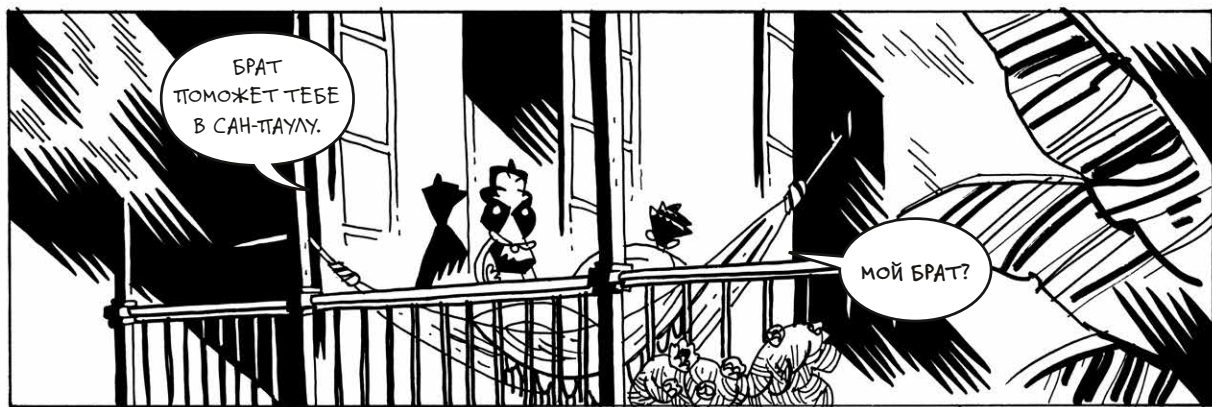
Далия покинула Малока-дос-Барес,
Вила Сатурнино и наш город.

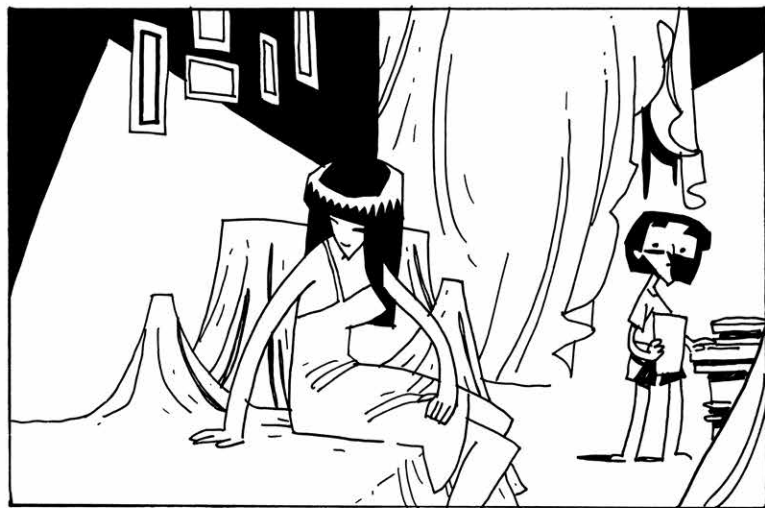
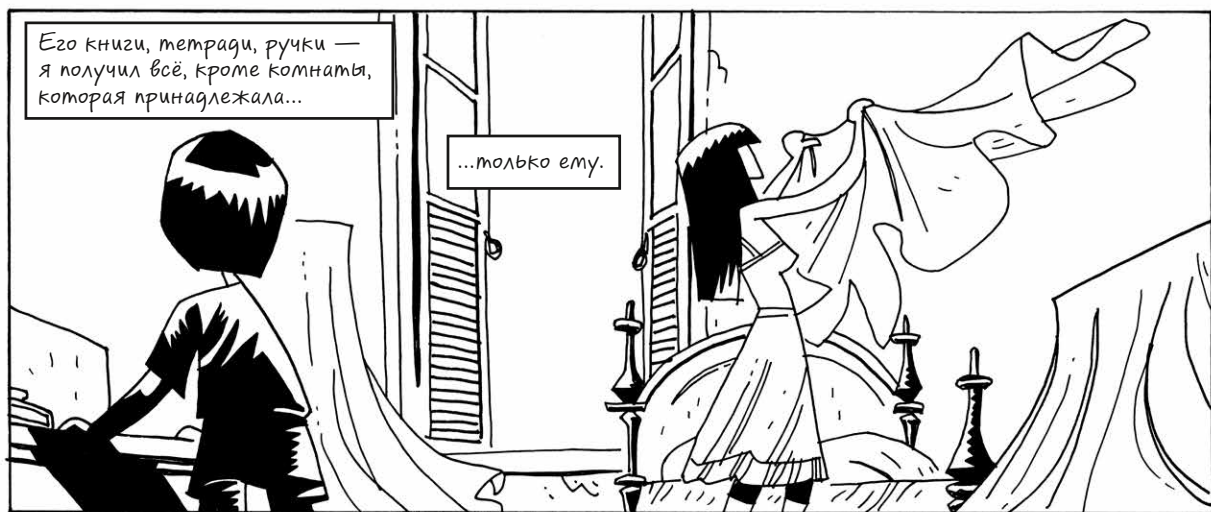
Мы так и не узнали,
покинула ли она этот
свет...

...даже Омар
не знал.

Я окончил школу, которую
Отар бросил на последнем
году обучения.

Отар вообще
ничего не окончил.

Он так и не поступил в уни-
верситет, презирал дипломы.

В своем нескончаемом
поиске приключений он
интересовался лишь
тем, что могло стать
источником интенсивного
удовольствия.

Глава 5

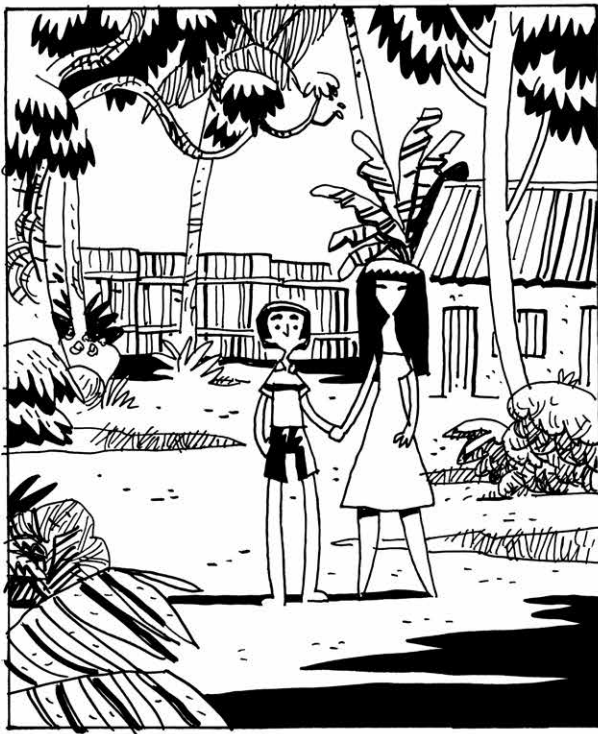
Когда я узнал, что Якуб приезжает в гости, меня охватило сильное волнение.

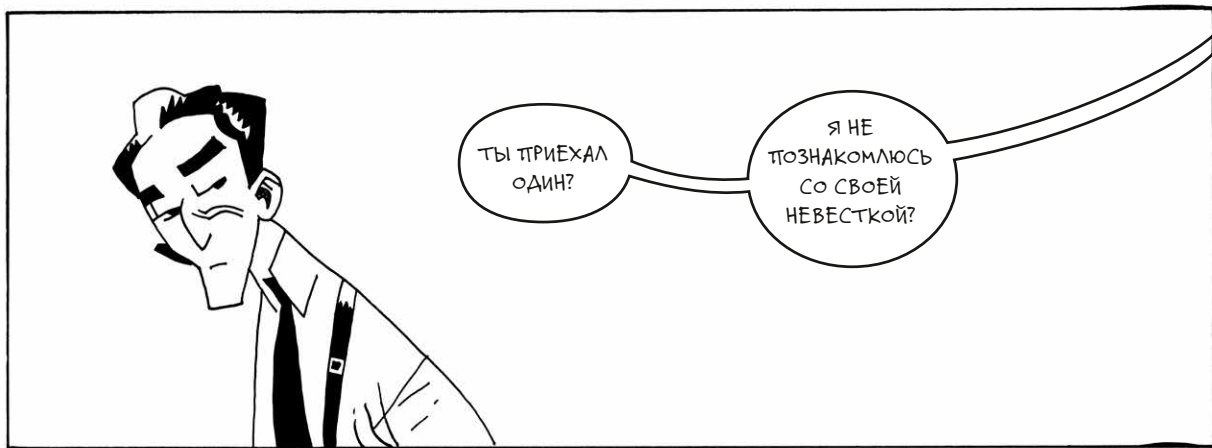
Ему создали образ кого-то совершенного или, по крайней мере, близкого к совершенству.

Я думал, что если он мой отец...

...то я сын почти идеального человека.

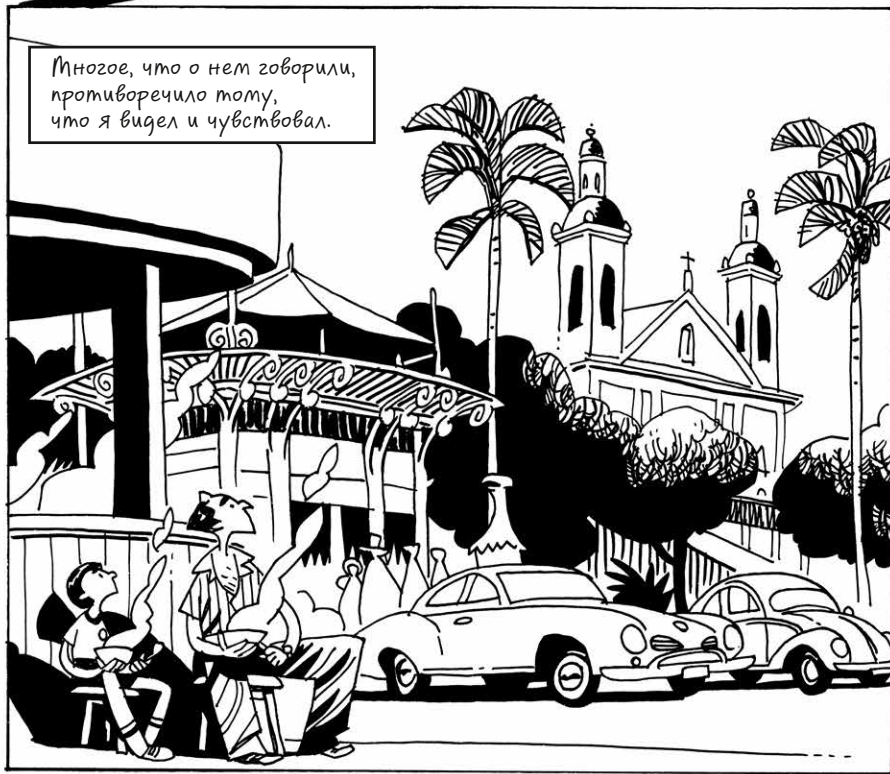
Каким бы коротким ни был визит
Якуба, я успел получше узнать его.

Кое-что в его
поведении
приводило меня
в замешательство.

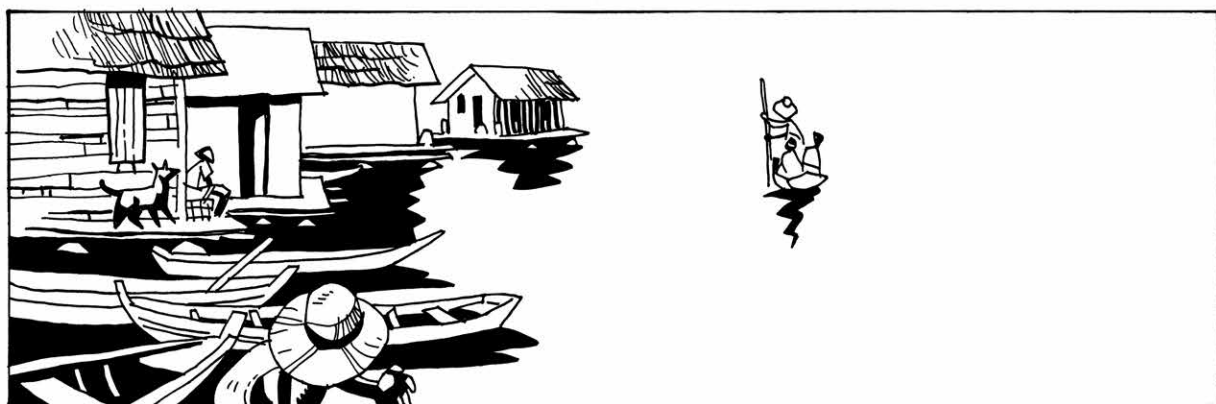

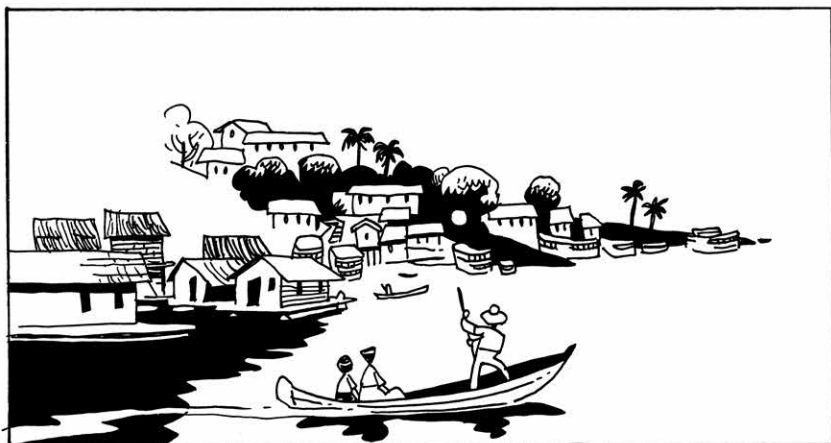
Многое, что о нем говорили,
противоречило тому,
что я видел и чувствовал.

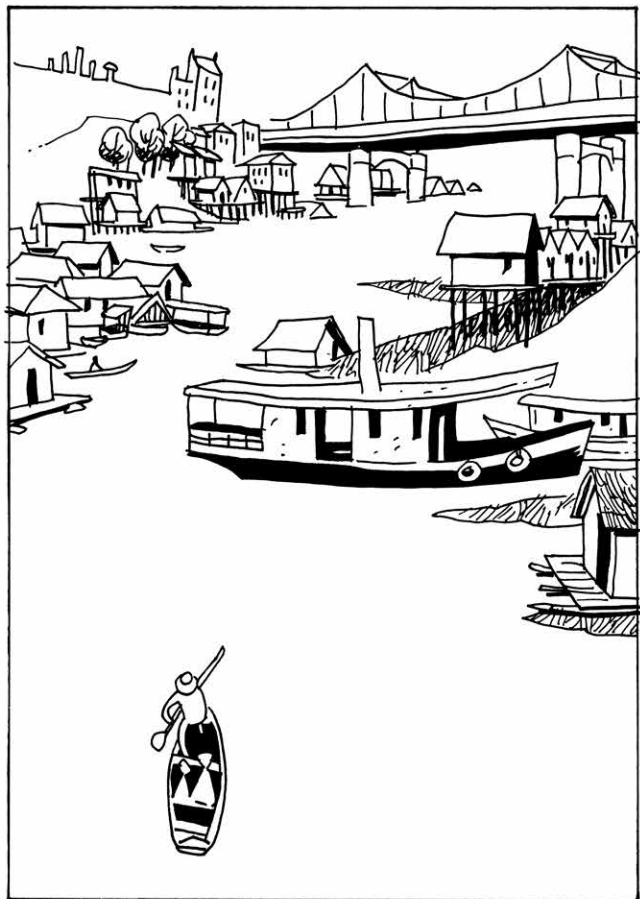

Рядом со мной он не облачался
в броню, как часто говорил
о нем Халим.

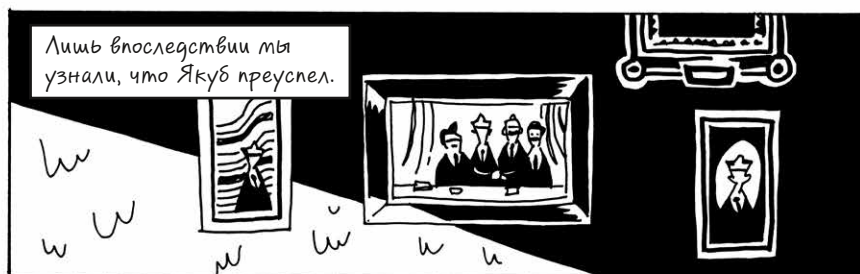

Талиб с дочерью попрощались, и вскоре члены семьи тоже постепенно разошлись.

Якуб остался под гевеей, наедине со своим незаконченным предложением.

Тишину нарушал только шум его жизни, слышимый ему одному.

Как раз когда мы меньше всего этого ожидали, божок удачи обратил на нас внимание. Якуб взялся за дело и был щедр.

Пожоже, за свой короткий приезд в Манаус он заметил все, чего не доставало в доме, у хозяев и у слуг.

Якуб прислал денег, чтобы отремонтировать дом и покрасить магазин.

И если становление Бразилиа столицей вызвало национальную эйфорию, то прибытие посланных Якубом вещей стало праздником в доме.

Рания руководила переделкой магазина. Она сама взяла кисть и покрасила стены. Все, кто с ней работал, чувствовали, что они тешают.

После ремонта Рания стала с большим удовольствием заниматься магазином. Якуб свел ее с поставщиками в городе и штате Сан-Паулу. Рания получала образцы, выбирала ткани, футболки, кошельки и сумочки.

Прежде чем Халим заметил, он уже торговал совсем другими вещами.

Теперь главный зал магазина загрохал большой витриной, и только чердак остался прежним.

Туда Халим сгреб свое баракло и там сидел в одиночестве, без Заны.

Омар с презрением отнесся к переделкам в доме и магазине. Он не позволял перекрасить свою комнату и отказывался от любых материальных благ, исходящих от брата.

Инженер становился все более важным человеком, получал все больше денег, а второму брату не нужны были деньги, чтобы быть самим собой и заниматься тем, чем он занимался.

МАДЖНУН...

НЕКОТОРЫЕ
ВЕЩИ НЕ СЛЕДУЕТ
РАССКАЗЫВАТЬ.

ПОЙДЕМ
ПРОЙДЕМСЯ.

В ночь перед отъездом Якуб рассказал отцу правду о поездке Омара в Сан-Паулу.

НАСТОЯЩИЙ
МАДЖНУН.
БЕЗУМЕЦ.

ЗАНА
ДУМАЛА,
НАШ СЫН...

ЗНАЕШЬ
ЧТО?

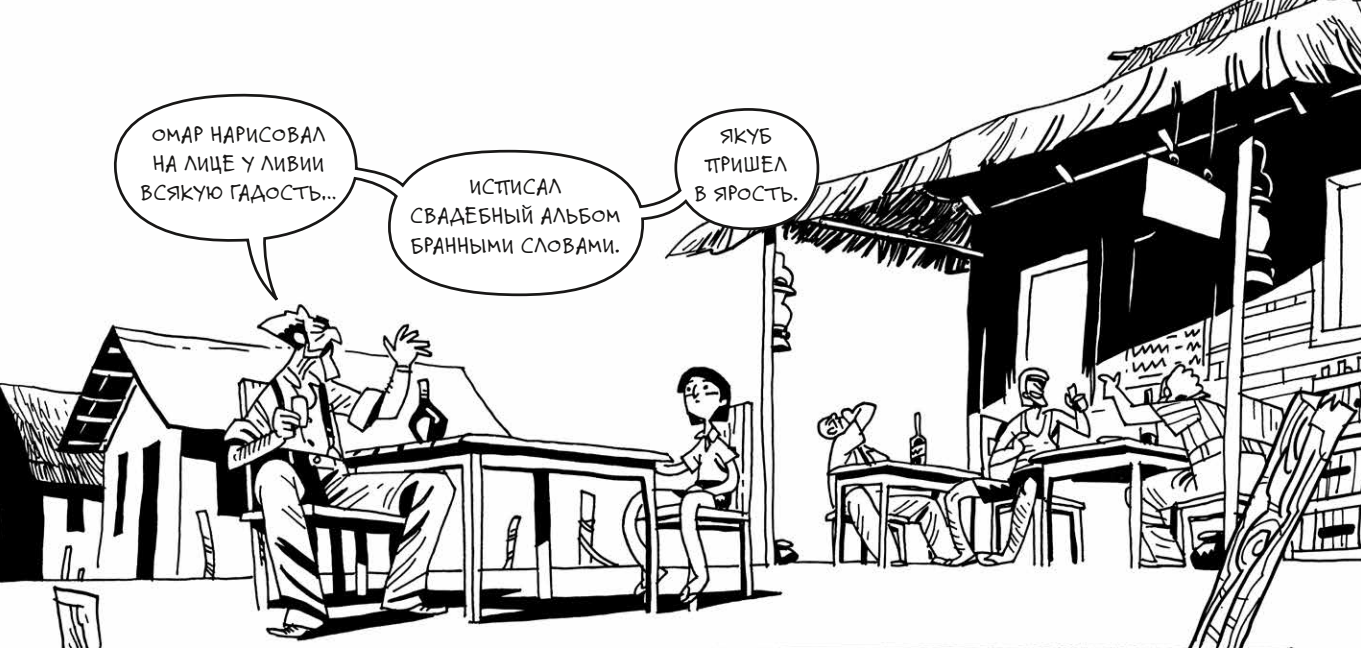
Я ТОЖЕ...
Я ВЕРИЛ, ЧТО
ОН ПРОУЧИТСЯ
СЕМЕСТР
В ХОРОШЕЙ
ШКОЛЕ...

ПОТОМ
ПОСТУПИТ
В УНИВЕРСИТЕТ.

ОМАР НАРИСОВАЛ
НА ЛИЦЕ У ЛИВИИ
ВСЯКУЮ ГАДОСТЬ...

ИСТИСАЛ
СВАДЕБНЫЙ АЛЬБОМ
БРАННЫМИ СЛОВАМИ.

ЯКУБ
ПРИШЕЛ
В ЯРОСТЬ.

«Он так и не простил брата
за то, что тот напал на него
в детстве...

...за тот
шрат».

«Он поклялся
однажды
отомстить».

Глава 6

Зане казалось странным присутствие за столом Омара...

Человек, который никогда в жизни не работал, вдруг начал рано вставать, бриться, надевать лучший костюм и ходить на работу в иностранный банк.

Он носил галстук, и издалека его можно было перепутать с Якубом.

ТЕПЕРЬ
ЗА ОМАРОМ БУДУТ
БЕГАТЬ ТОЛПЫ
ДЕВЧОНОК.

ЕМУ ЭТО
НЕ НУЖНО.

И КАКОЙ ПРОК
В ДЕВУШКЕ,
ДОРОГАЯ? ОН И ТАК
СЧАСТЛИВ.

ЭТО МОЕЙ
ДОЧЕРИ НУЖЕН
ПАРЕНЬ. И ТЕБЕ,
ЗАХИЯ.

СКОЛЬКО
ТЕБЕ УЖЕ?

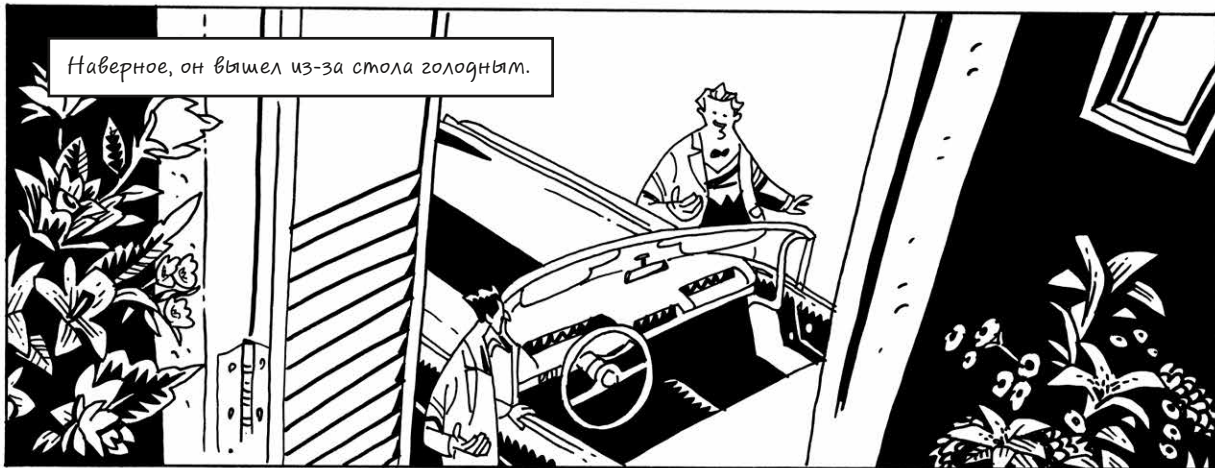
Отар привел в дом какого-то разодетого англичанина, Уикхета или Уиккенда, называющего себя банковским менеджером.

Он ел, как девица, сидел за столом в позе скромницы и боялся притронуться к соусу, рыбе и даже табуле.

Наверное, он вышел из-за стола голодным.

Только тогда мы заметили перед домом серебряный «олдсмоби́ль» кабриолет с бархатными голубыми сиденьями.

Вот это была машина!

И, к нашему удивлению, это была машина Отара.

Үйкхет, как в конце концов выяснила Зана, был мошенником, крупным контрабандистом. Омар работал с ним, стал его правой рукой.

Контрабанду перевозили на кораблях компании «Бут Лайн». Омар проверял товар и уезжал на кабриолете.

Швейцарский шоколад, английская каратель, японские фотоаппараты, американские кроссовки.

Үйкхет чувствовал жажду новизны и потребления. Все эти вещи обладали для него особой притягательностью.

Какова была роль Омара в деле? Заработал ли он какие-то деньги? Зана не знала.

Но выяснила, что ее волосатый талыш и правда попал в сети к женщине.

«Пау-Мулато, великанша,
подобная высокому круглому
стволу черного дерева. Почти
чистокровная африканка».

«Буйство плоти,
выставленное
на всеобщее обозрение
в лабиринте улиц
Кашуэйриньи».

«Только они
вдвоем, до пяти
утра».

«ВОТ ТАКИЕ
ДЕЛА».

СЛОВА
СТУКАЧА И
РАЗВРАТНИКА.

И НЕГОДЯЮ ЕЩЕ
ХВАТИЛО НАГЛОСТИ
ПОТРЕБОВАТЬ С НАС
КРУГЛЕНЬКУЮ СУММУ
ЗА СВОЮ РАБОТУ!

ЗАНА
ПРОЧИТАЛА И ПРО-
АНАЛИЗИРОВАЛА ВСЕ:
КАЖДУЮ ДЕТАЛЬ,
СТЕПЕНЬ ПАДЕНИЯ
СЫНА,
САМУ ЛЮБОВНУЮ
СЦЕНУ...

Потом она
ригнулась в бой.

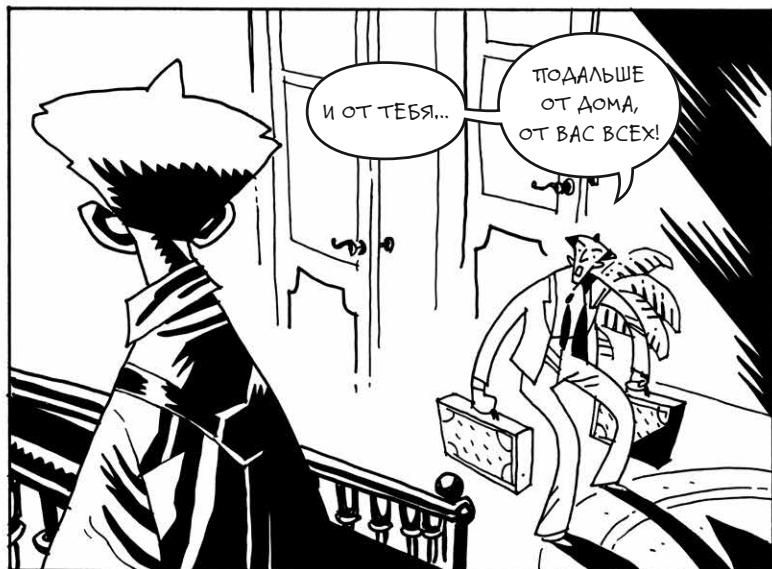
Она принесла дотой швейцарский
шоколад и английские ириски.

Подарила Омару шелковый
галстук и льняной пиджак.

ЧТОБЫ ТЫ
ВЫГЛЯДЕЛ
ЕЩЕ ЭЛЕГАНТ-
НЕЕ, СЫН...

ЕЩЕ
КРАСИВЕЕ
ПО НОЧАМ
В КАШУЭЙРИНЬЕ.

СЫН ЗАНЫ!
ПРИХОДИТ
И УХОДИТ, ПЬЯНЫЙ
ОТ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ,
ОХВАЧЕННЫЙ ЛЕНЬЮ,
КОГДА НАСТУПАЕТ
ПОНА РАЗОРВАТЬ
ПУТОВИНУ.

КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ
ОН ПРОДЕРЖАЛСЯ,
НО В ГЛУБИНЕ ДУШИ
ЗНАЛ, ЧТО НИЧЕГО
НЕ ВЫЙДЕТ.

А ВЕДЬ У НЕГО БЫЛО
ВСЕ, ЧТО НУЖНО:
ЛЮБОВЬ, КРАСАВИЦА-
ЖЕНЩИНА — ЧИСТОЕ
ЗОЛОТО!

ЕМУ НЕ
ХВАТАЛО ЛИШЬ
СМЕЛОСТИ!

НО ОН
ПОПЫТАЛСЯ,
И ЕЩЕ КАК!

ЗАНА БРОДИЛА
ПО ГОРОДУ
В ПОИСКАХ
КАБРИОЛЕТА.

ЭТО БЫЛО
НЕЛЕГКО...

ЧТО Я ПОНЯЛ,
ТАК ЭТО ТО,
ЧТО ЖЕНЩИНА...

МОЯ
ЖЕНЩИНА...

РАСТЕТ
НАД СОБОЙ, КОГДА
ЧУВСТВУЕТ, ЧТО
ТЕРЯЕТ СЫНА.

Почти все свое время она
проводила в молитвах. Даже
Домингас присоединилась.

Все ее мысли были лишь о том, чтобы
Отар вернулся здоровым и невредимым,
а главное, один. В комнату, которая
всегда будет принадлежать только ему.

Тогда Халим вспомнил Сиду Таннуса, давнего друга, с которым когда-то играл в триктрак.

Таннус был завсегдатаем низкопробных клубов.

ДА, Я
СТАЛКИВАЛСЯ
С ОМАРОМ.

МЫ ИНОГДА
ВЫПИВАЛИ ВМЕСТЕ,
ПРОСТО РАДИ
УДОВОЛЬСТВИЯ,
БЕЗ ЖЕНЩИН
ЗА СТОЛОМ.

ЭТА
ПАУ-МУЛАТО...

...ПОХОЖЕ, ОМАР
ОДЕРЖИМ ЕЮ.

Я ОБЫСКАЛ ВСЕ
ШИКАРНЫЕ КЛУБЫ
В ЦЕНТРЕ И ЛАЧУГИ
НА ОКРАИНЕ.

ОНИ БУДО
ИСТАРИЛИСЬ.

ГЛОТНИ
ВИСКИ.

НАСТОЯЩИЙ
НЕКТАР,
ХАЛИМ.

ЗНАЕШЬ, КТО
МНЕ ПОДАРИЛ?

ЛОРА
УЙКХЕМ.

Уйкхем не был англичанином,
и его даже звали не так.
Настоящее его имя было
Франциско Келлер...

...или Чико Келе,
как его прозвали.

Келе познакомился с Отаром
в «Веронике», большом борделе
с банями.

Там он завлекал сладкими
речами индейских девушек,
очаровательных темнокожих
красоток.

А еще у него
были лучший ви-
ски и английские
криски в кармане.

И в довершение
всего — «олдсмоби́ль».

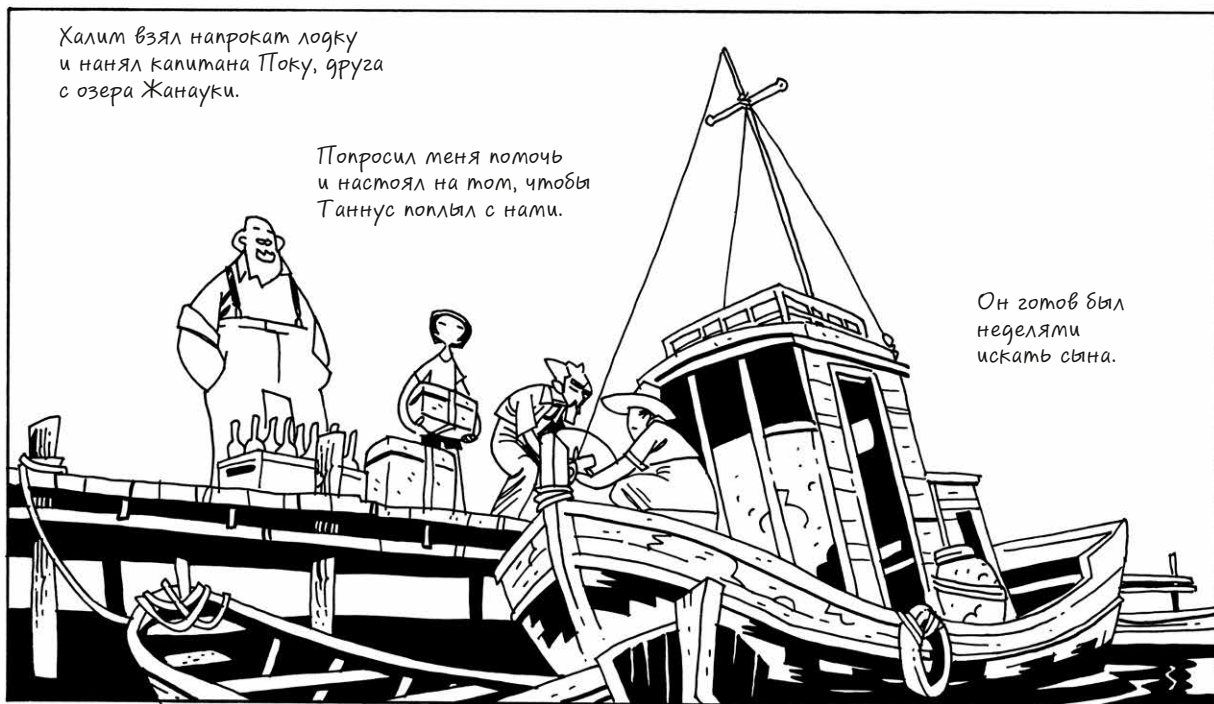

Келе направо-налево
раздавал духи, сладости,
блузки и поцелуи.

Как-то ночью Отару стало
любопытно, и он приблизился
к веселой компании.

А про себя думал о всех тех
ночах, что потерял из-за Омара.

В тарте, когда Зана уже иногда улыбалась и меньше молилась, внимание Халита перешло с рыбы на Адамора, торговца рыбой.

Мы знали его. Он снова стал заходить на нашу улицу.

Старый Жабьенот.

СВЕ-Е-ЕЖАЯ
РЫ-Ы-ЫБА!

ЭТОТ БРИКОН,
МОЖЕТ, КОГДА-ТО
И БЫЛ СВЕЖИМ, НО
ТЕПЕРЬ ИМ ТОЛЬКО
БРОДЯЧИХ КОШЕК
КОРМИТЬ.

А ЭТИ
БЕСЧЕШУЙНЫЕ
ВООБЩЕ НИКУДА
НЕ ГОДЯТСЯ.
ОТ НИХ МОЖНО
ПОЛУЧИТЬ
КОЖНУЮ
БОЛЕЗНЬ.

НЕ СЕГОДНЯ, АДАМОР.
РЫБА, УКРАШЕННАЯ
ПЕТРУШКОЙ, ЗЕЛЕНЫМ
ЛУКОМ И ПОМИДОРАМИ,
ХОРОША ЛИШЬ ДЛЯ
ДОНЫ ЭСТЕЛИТЫ.

МНЕ ТАКИЕ
УКРАШЕНИЯ НЕ
НРАВЯТСЯ. ТОЛЬКО
ОБМАНЫВАЮТ
ЛЮДЕЙ.

ВСЕ
В ПОРЯДКЕ,
ДОМИНГАС.

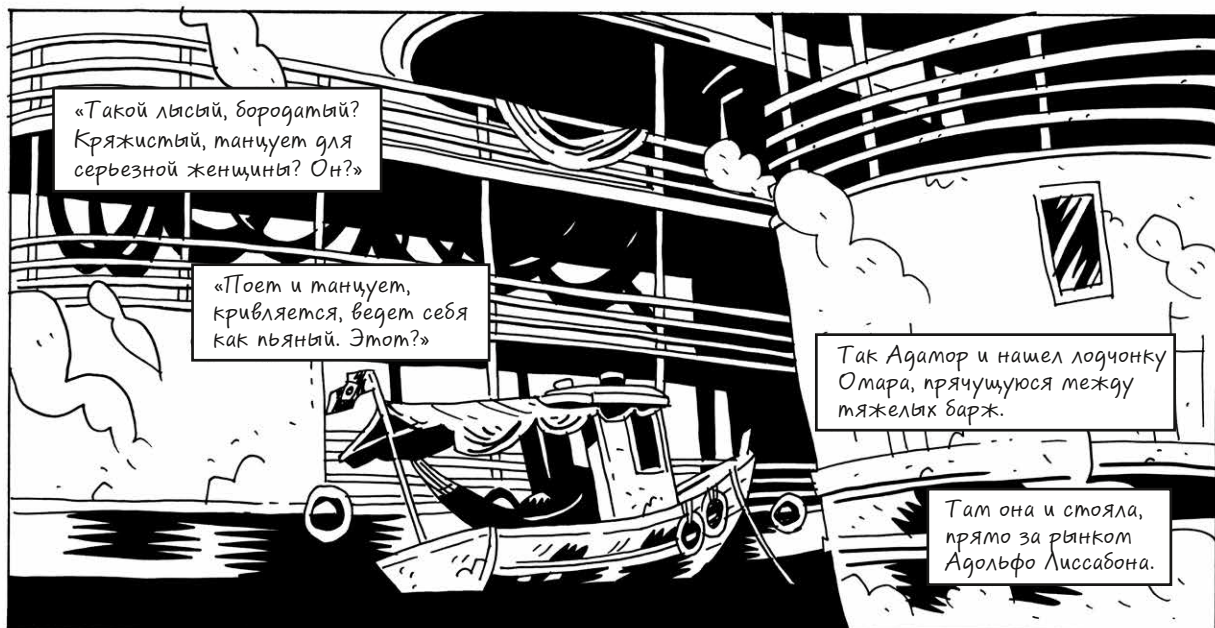
Я ПОГОВОРЮ
С МИСТЕРОМ
АДАМОРОМ.

Адамор, ста-
рый Жабьенот.
Ничье прошлое
не забыто.

Имя, прозвище, лесник... У Заны
появился любимый торговец рыбой.

АА, МЭМ,
КОНЕЧНО,
МЭМ.

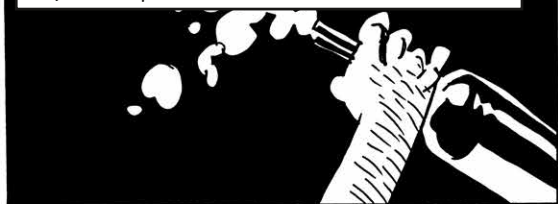
Я ПОИЩУ
ВАШЕГО СЫНА,
МЭМ.

Адатор пошел на пристань Эскадария с двумя бутылками виски, позвал индейского мальчика и велел ему продать их лысому бородавчому мужчине по цене уличных воров.

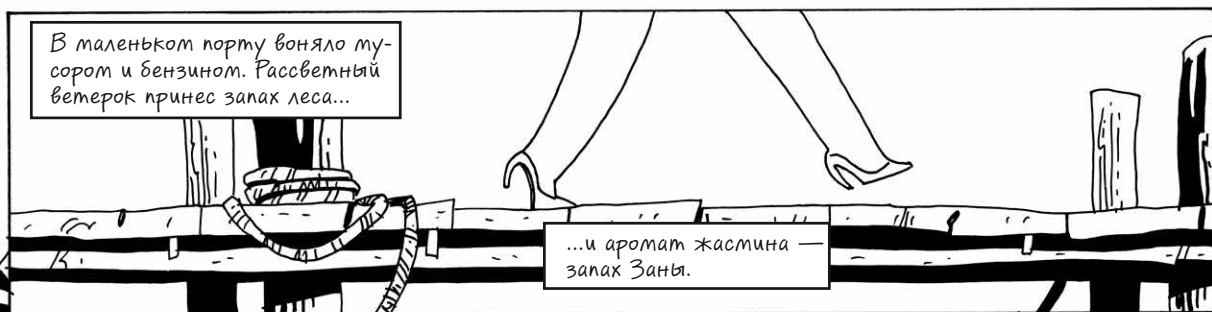
Отар купил бутылки. Они с женщиной напились и бросились танцевать, стонать в раскачивающемся гамаке, как будто были одни на пустынном пляже.

Они были безрассудны и счастливы, словно владели всем миром. Так, погруженные в волшебство, они и заснули.

В маленьком порту воняло мусором и бензином. Рассветный ветерок принес запах леса...

...и аромат жасмина — запах Заны.

В субботу на рассвете, когда Зана и Жабьенот вместе отправились в порт, Халим попросил меня последовать за ними.

Он знал, что Огара поймут. Это было неизбежно.

Сутяжица на трапе лодки, борющиеся тела.

Я услышал, как вскрикнула, а потом зарыдала женщина.

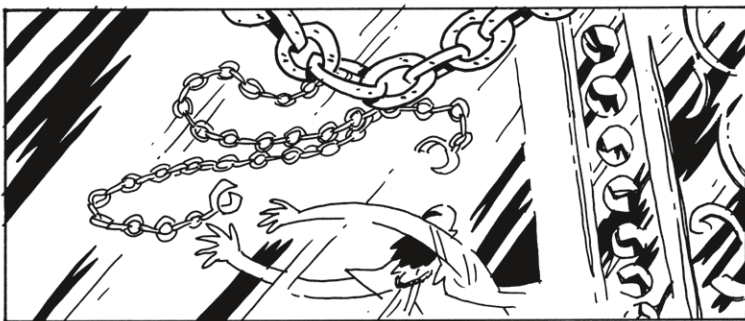
НЕ ТРОГАЙТЕ
ЖЕНЩИНУ...
ОСТАВЬТЕ ЕЕ
В ЛОДКЕ...

МОЙ СЫН
ВОЗВРАЩАЕТСЯ
ДОМОЙ ОДИН.

Человек в локотьях брел, как слепец, наизусть знающий дорогу домой. Тот, кто всегда улыбался и такал соседям, теперь молчал.

Добравшись до дома, он принялся искать отца наверху, в ванной, повсюду. Вышел в сад, заглянул в каморки в саду и вернулся в гостиную с железной цепью.

В глубине души
Отар с готовностью
попался слабости...

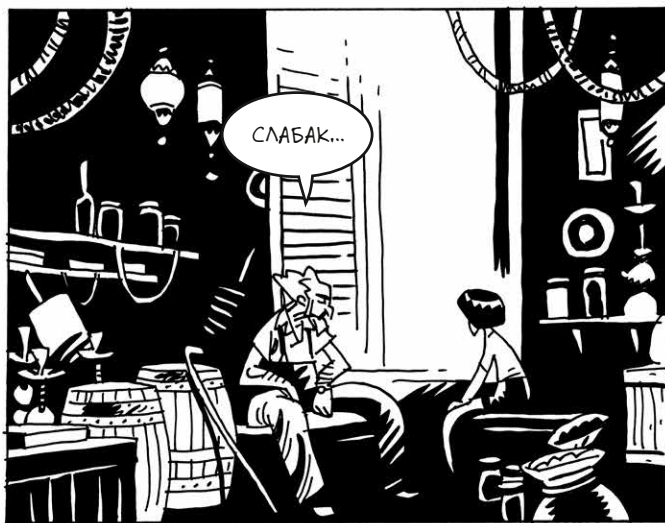
...и навязанному ему выбору.

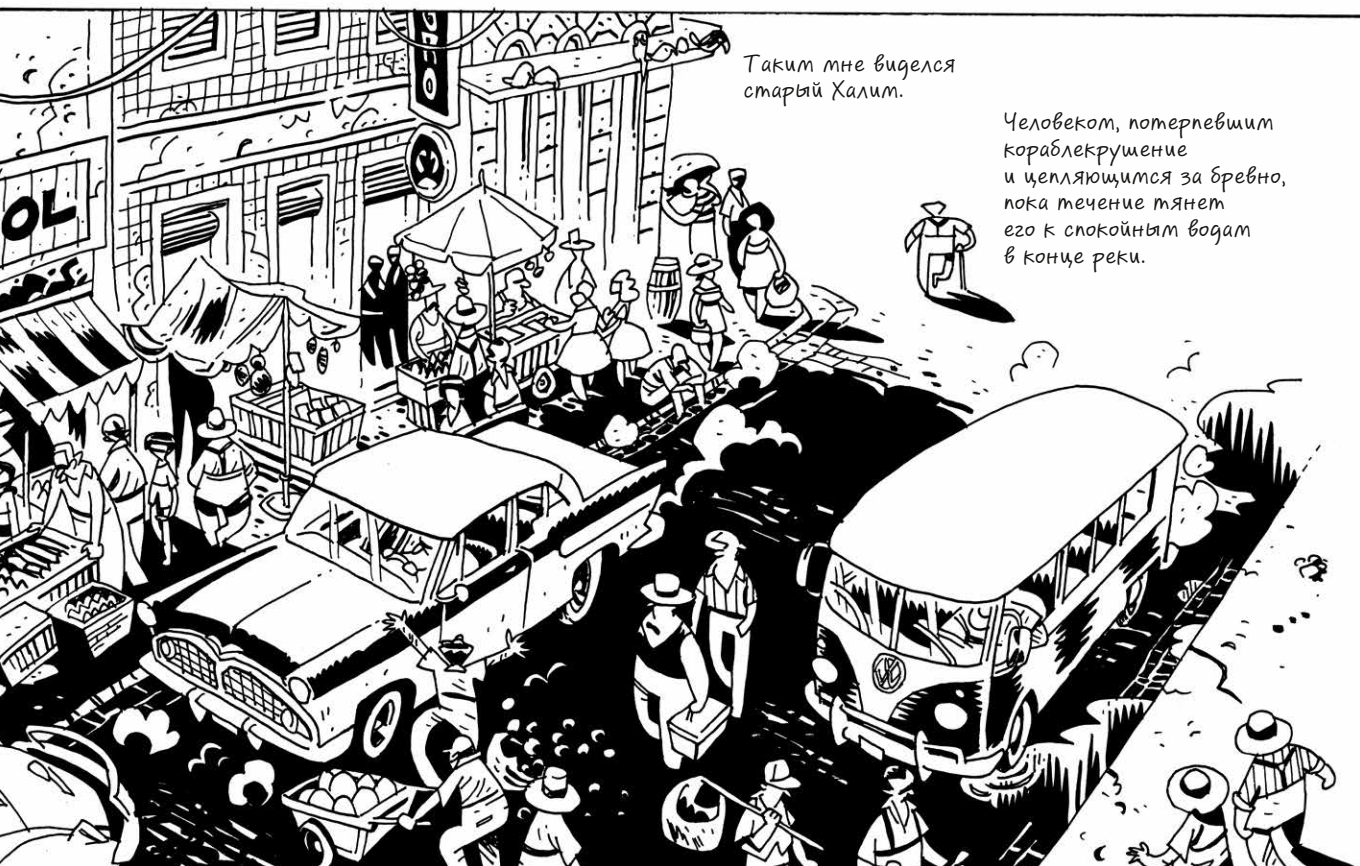
Он предпочел шлюх
и домашние удобства
скромной жизни в нищете
с любимой женщиной.

СЛАБАК...

Глава 7

С 1956-го, когда Касула бросил
«Прибежище вандалов»...

...Антенор Лаваль приносил ему
книжки и приглашал на поэтические
вечера в пансионе, где жил сам.

Каждый раз, прочитав
стихотворение друга,
Отар говорил:

Я — ТВОЙ
ЕДИНСТВЕННЫЙ
ЧИТАТЕЛЬ.

Они редко
оставались в доме
надолго. Касула
тащил Лаваль
в кафе «Мокамбо»,
куда заглядывали
ветераны и новички
лицея имени Руя
Барбозы.

На первой неделе января
1964-го Антенор Лаваль
зашел поговорить с Отаром.

* «Мне крикнуть хочется — безумному безумным: / "Что может дать, слепцы, вам этот свод пустой?"» (из стихотворения Ш. Бодлера «Слепые» в переводе И. Анненского).

Больше учитель французского в лицей не возвращался. Затем одним апрельским утром ты стали свидетелями его ареста.

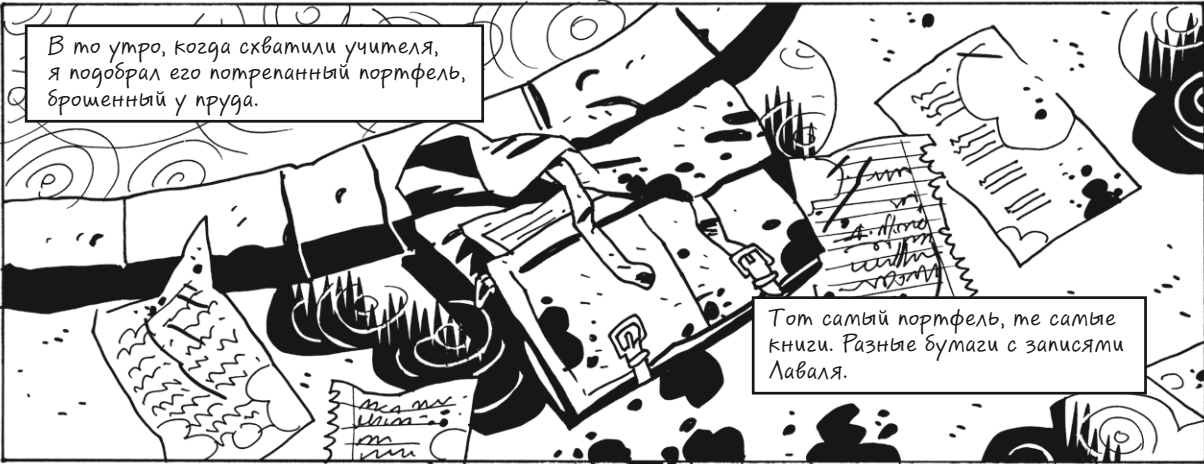
Вскоре после этого двери в кафе «Мокамбо» закрылись.

Многие двери закрылись два дня спустя, когда ты услышали, что Антенор Лаваль мертв.

Все это случилось в апреле. В первые несколько дней.

В то утро, когда схватили учителя,
я подобрал его потрепанный портфель,
брошенный у пруда.

Тот самый портфель, те самые
книги. Разные бумажки с записями
Лавяля.

Лаваль писал стихотворение
и каждую пятницу вручал
ученикам, пребывая в уверен-
ности, что его больше никто
не прочтает.

В день смерти учителя
шел сильный дождь,
настоящий ливень.

Ученики и бывшие ученики Лавяля
собрались на уличной сцене с за-
жженными факелами. У каждого
из нас было хотя бы одно стихо-
творение наставника, написанное
его рукой.

Отар читал последним.
Он был преисполнен
печали. Дождь подпитывал
эту печаль, но вызывал
и тяжёлое настроение.

Впервые в жизни
я не злился на Касулу.
Я не мог ненавидеть его
в тот дождливый день.

Он вернулся домой в таком волнении,
что даже не заметил присутствия
брата.

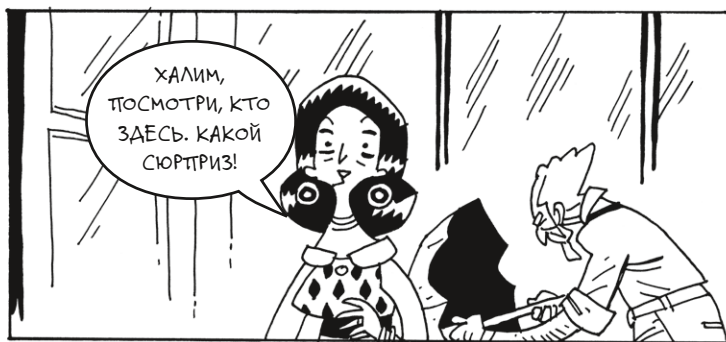
Может, в тот момент им и надо было пограться...

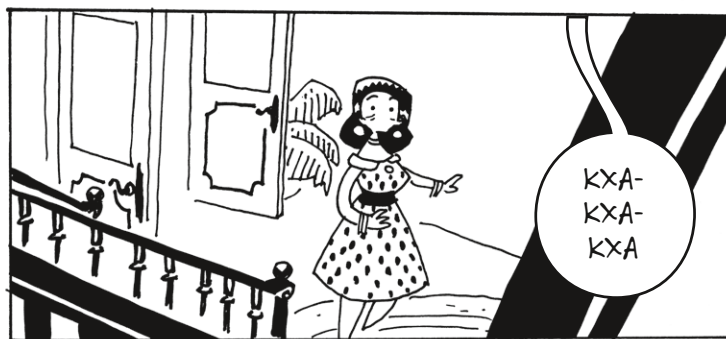
...заживо содрать друг с друга кожу.

КХА-
КХА

ХАЛИМ,
ПОСМОТРИ, КТО
ЗДЕСЬ. КАКОЙ
СЮРПРИЗ!

КХА-
КХА-
КХА

Когда я очнулся,
передо мной с широко
распахнутыми глазами
сидела мама, взволнованно
прижимая руки к моим
горячим щекам.

Она не отходила
от моей постели.

Это был единственный
случай, когда я видел
мать подле себя днем
и ночью.

Якуб иногда меня навещал.

Я с удовольствием
обнаружил, что Халим
больше внимания уделяет
внебрачному внуку, чем
законному сыну.

Он ни разу не перешагнул
порог спальни Касулы.

Но ко мне заходил
несколько раз...

...и в один из таких
приходов он пода-
рил мне первую
ручку на восемнад-
цатилетие.

Мне никогда не забыть этого
дня рождения, когда мать, Халим
и Якуб собрались вокруг моей
постели...

...обсуждая меня,
мою лихорадку,
мое будущее.

Глава 8

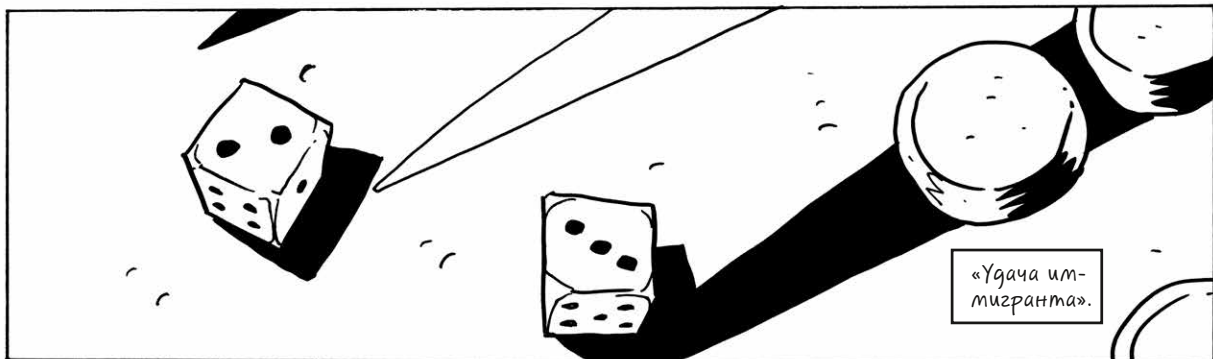
Халим старел...

Сетъдссят с чет-то, почти
восетъдссят. Даже он сам
не знал день и год своего
рождения.

Я РОДИЛСЯ
В КОНЦЕ
ПРОШЛОГО ВЕКА,
ГДЕ-ТО В ЯНВАРЕ.

САМОЕ ЛУЧШЕЕ
В ЭТОМ ТО,
ЧТО Я СТАРЕЮ,
НЕ ЗНАЯ, КАК СТАР
СТАНОВЛЮСЬ.

«Удача им-
мигранта».

ПОСЛЕ
СМЕРТИ
ГАЛИБА...

...ЗАНА
ПРИКИТЕЛА
К ОМАРУ.

ОНА С УМА
СОШЛА. ВСЕ
ДЛЯ НЕГО
ДЕЛАЛА.

ОНА ГОТОВА
БЫЛА
УМЕРЕТЬ
ЗА НЕГО.

Отдельно от сына она оставалась моей
женой, женщиной, которую я желал.

Я ХОТЕЛ
ПОСЛАТЬ
БЛИЗНЕЦОВ
В ЛИВАН...

...ОНИ БЫ УЗНАЛИ
НОВУЮ СТРАНУ,
НАУЧИЛИСЬ
НОВОМУ ЯЗЫКУ...

НИЧЕГО
НЕ ВЫШЛО...

НИ ДЛЯ ТОГО,
КТО УЕХАЛ,
НИ ДЛЯ ТОГО,
КТО ОСТАЛСЯ.

Она без колебаний
все выбрасывала.

Избавлялась
от старого
отцовского
хлама.

Действовала
с яростной
решимостью...

...отчетливо
сознавая,
что хоронит
прошлое.

Было уже совсем
поздно, когда мы
взялись за чердак.

К вечеру все было кончено.
Целый район исчез.

Мы ждали до поздней ночи. Потом мы с татой ушли в свои комнаты, а Рания с Заной поднялись наверх и легли спать, оставив дверь открытой.

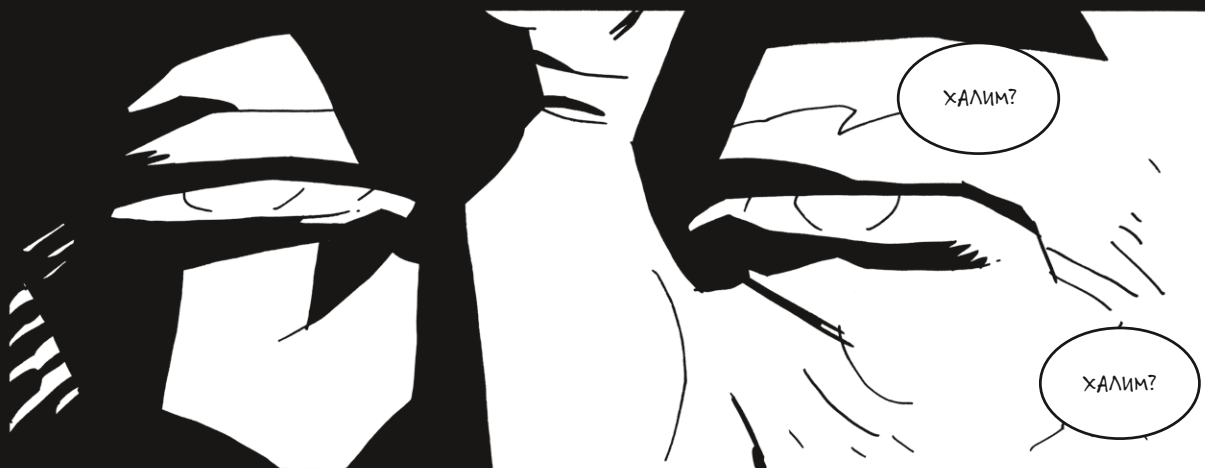
Примерно в пять утра меня разбудил шум. Следом я услышал чудовищный крик.

А-А-А-А-А-А

ПОЧЕМУ
ТЫ ЗАСНУЛ
НА ДИВАНЕ?

ПОЧЕМУ ТАК
ПОЗДНО
ВЕРНУЛСЯ?

Он был тих,
как никогда
раньше.

Утолкший
навек.

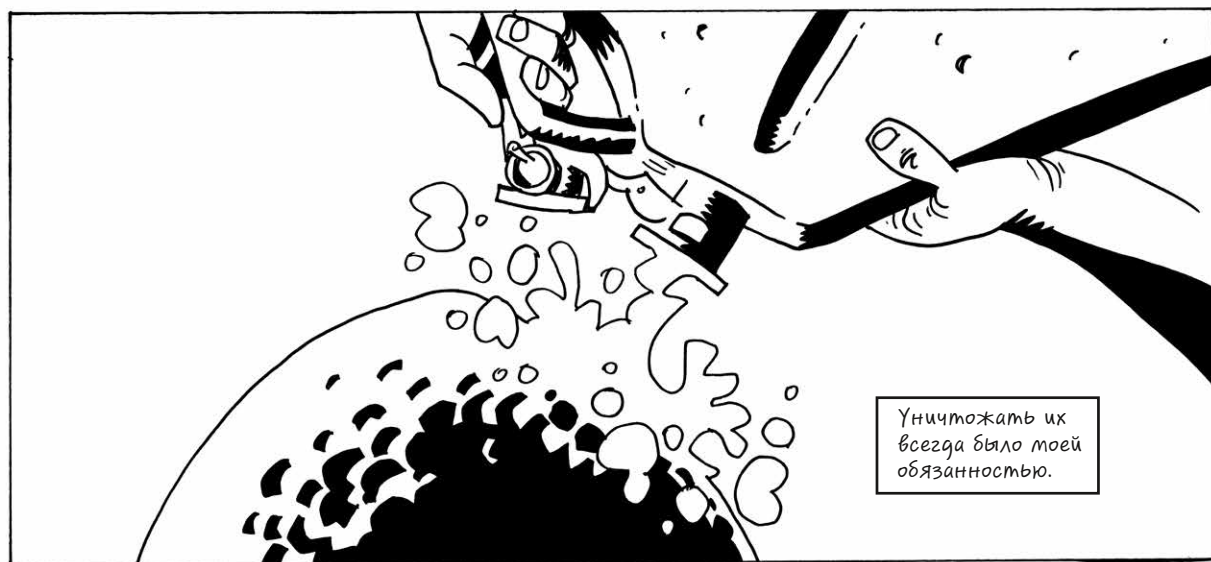

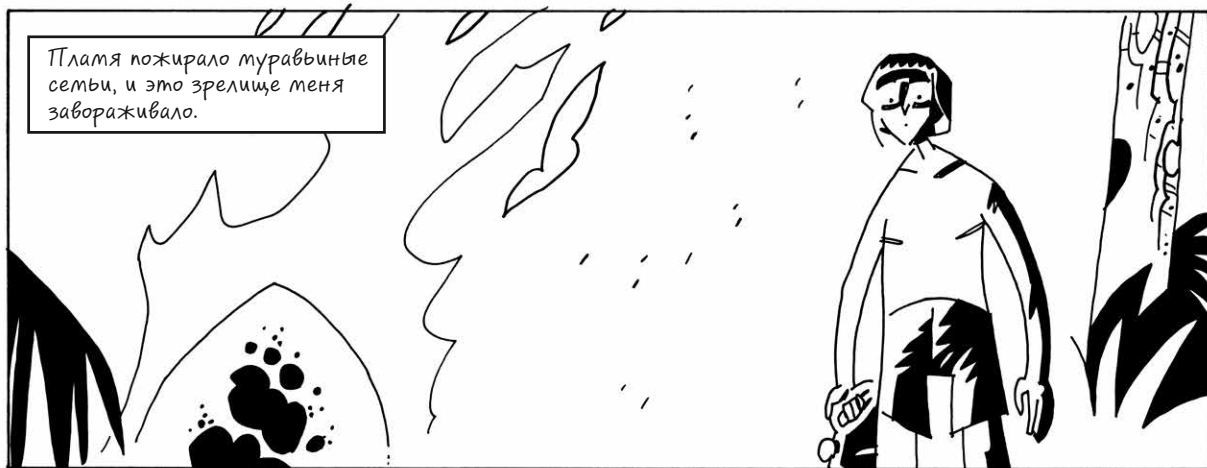
Глава 9

На земле, в отличие от верхушек
гефел, было не так приятно: повсюду
кишели муравьи, древесные вреди-
тели и другие насекомые.

Муравейники появлялись
за ночь темными нароста-
ми на деревянном заборе
или древесных стволах.

Плата пожирало туравьиные
сетви, и это зрелище меня
забавляло.

С каким удовольствием я на-
блюдал, как целая династия
туравьев превращается в прах!

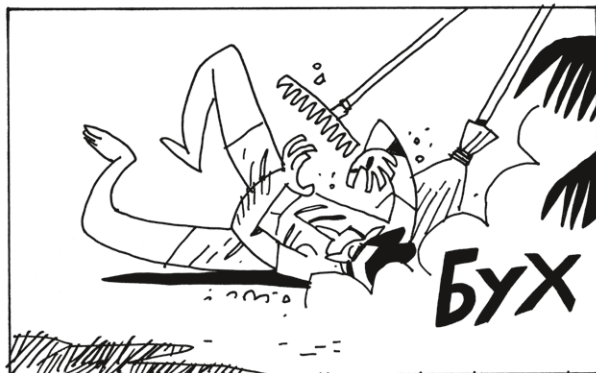
Никто в ту ночь не видел,
как Халим вернулся в гостиную.

Наверное, он вошел перед рассветом,
двигаясь медленно, неслышно, будто
раненое животное...

...которое прячется
от всех и вся, чтобы
умереть.

После смерти Халима все
в доме стало разваливаться.

Омар пришел на похороны, но стоял в стороне. Так далеко,
что его брат, который вообще не явился, казался ближе
к отцу, отправляющемуся в последний путь. Якуб заказал
венки с эпитафией.

«С НЕЖНЫМИ
ВОСПОМИНАНИЯМИ
ОБ ОТЦЕ, КОТОРЫЙ
ВСЕГДА БЫЛ РЯДОМ,
ДАЖЕ ЕСЛИ НАХОДИЛСЯ
ДАЛЕКО».

Друзей Халима
это тронуло.

Увидев, что татья
плачет, Омар пошел
прочь.

Отар справлялся со смертью отца как умел. Он знал только один способ.

И вот Касула бесстыдно вернулся к ночной жизни Манауса.

Приходя под утро, он видел, что мать его не ждет. Зана сидела печальная, погруженная в свою горе.

Она редко выходила из дома, и никто не мог вызвать у нее улыбку.

Но Зана спрашивала об Отаре и всегда знала, во сколько он вернулся, здоров ли он. Днем, когда Касула просыпался, она слушала его рассказы.

КАФЕ «МОКАМБО» ЗАКРЫЛОСЬ, И ПЛОЩАДЬ АКАЦИЙ ЗАНЯЛ БАЗАР.

О, ТЫ НЕ ПОВЕРИШЬ.

ДАЖЕ «ВЕРОНИКА» ЗАКРЫТА.

Гость, индеец по имени Рочирам, говорил медленно, и, когда тот открывал рот, казалось, будто он сейчас поведаёт большой секрет.

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ
В БАРЕ ОТЕЛЯ
«АМАЗОНАС», ГДЕ ТРИО
«ПЕВЧИЕ КРАТТИВНИКИ»
ИГРАЕТ БОЛЕРО И МАМБУ.

Рочирам стал часто заходить
в дом, всегда в компании Отара.
Он приносил Зане подарки:
китайские вазы, серебряные
подносы, индийские статуэтки.

МОЙ СЫН
СТАЛ
ОПРЯТНЕЕ.

ВОТ
ЧТО ТВОРИТ
ДРУЖБА.

Когда рядом не было Отара,
Зана упоминала Якуба.

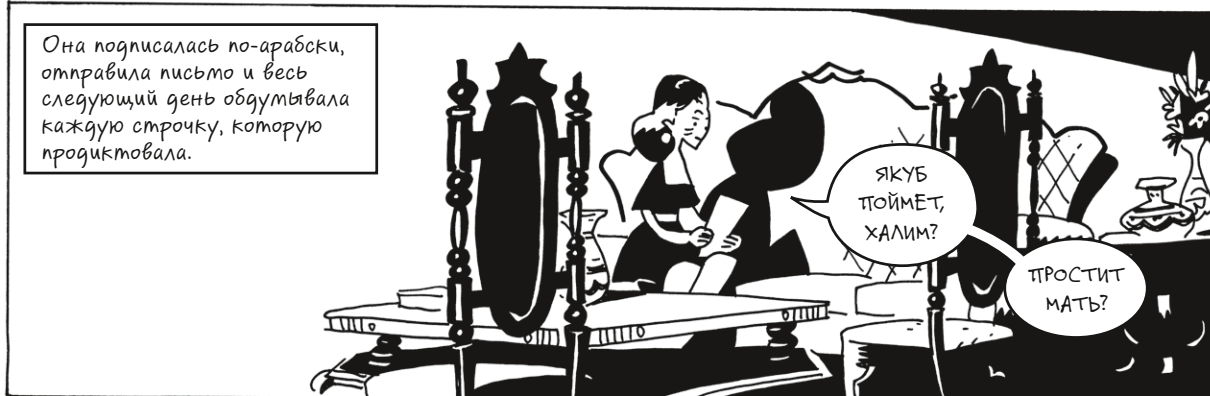
ВЫ ЕЩЕ НЕ
ВСТРЕЧАЛИСЬ
С МОИМ ВТОРЫМ
СЫНОМ.

ОН ВЕЛИКИЙ
ИНЖЕНЕР, ЛУЧШИЙ
АРИФМЕТИК
В БРАЗИЛИИ.

Но, заслышав
шаги Отара
на лестнице,
Зана меняла
тему.

Зана и Рания вечно перешептывались. Я не понимал, что происходит, но слышал имя Якуба, упоминаемое в связи с отелем.

Атмосфера в доме была тревожной. Зана с Раней говорили только за закрытыми дверями.

Так прошло пять-шесть дней, и я помню, что в четверг дождь лил всю ночь, отчего к утру стала протекать крыша.

Зана пошла в магазин посоветоваться с дочерью.

Отар пил кофе. Он едва притронулся к приготовленной ему еде.

Перед тем как с трагичным видом уйти, он сказал, что к обеду не вернется.

Домингас надела новое платье, надушила губы и накрасила губы красной помадой.

Еще не было одиннадцати, когда появился Якуб.

Они вышли на веранду. Якуб по-
стеивался с видом триумфато-
ра, вид у него был очень доволь-
ный. В тот момент я заметил,
как близки они с моей матерью.

Домингас казалась
встревоженной, почти
испуганной. Она не могла
скрыть беспокойства.

ТЕБЕ
ЛУЧШЕ
УЙТИ.

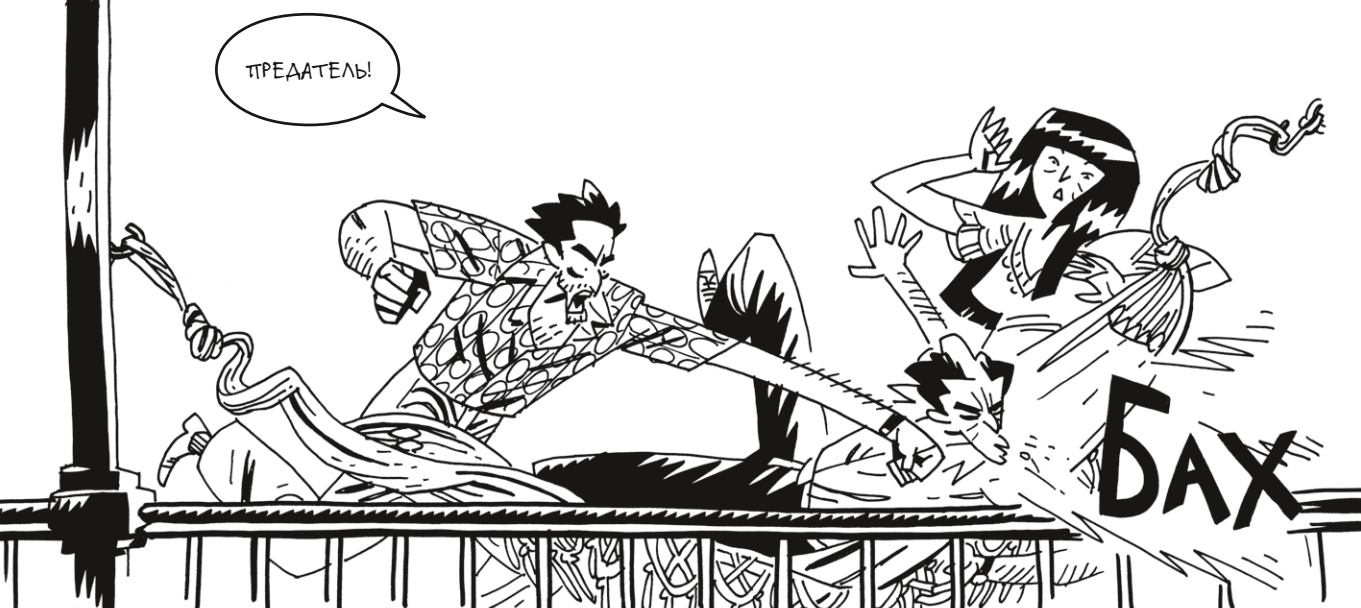
Я У СЕБЯ
ДОМА.

Я НЕ
СОБИРАЮСЬ
УХОДИТЬ.

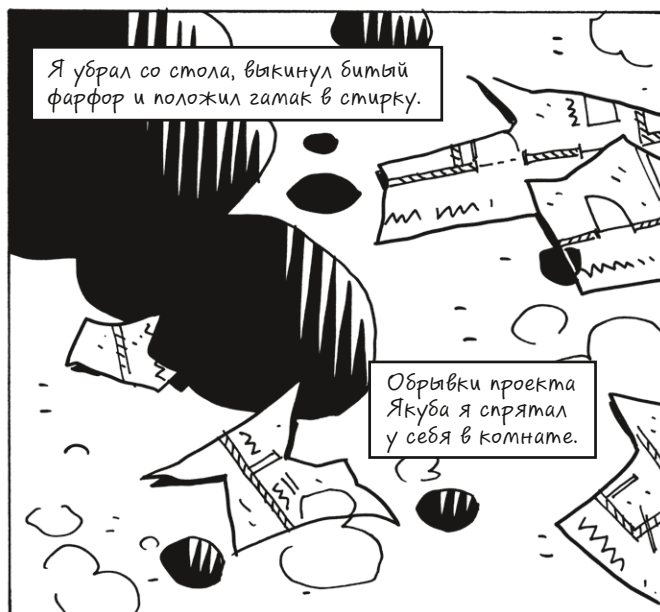
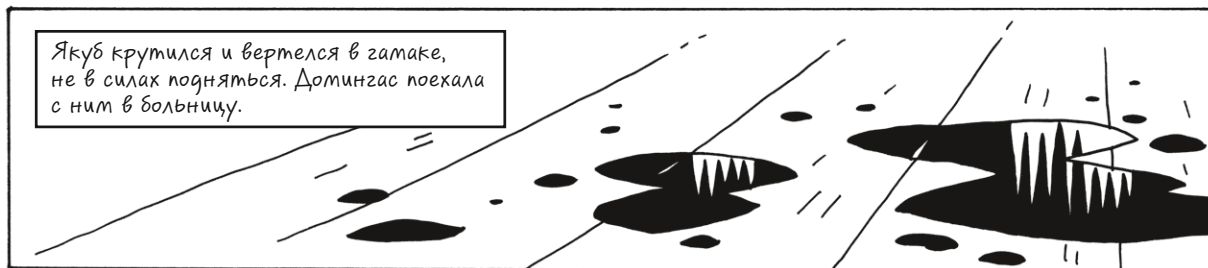
ТОГДА
ПОЙДЕМ
ПОГУЛЯЕМ.

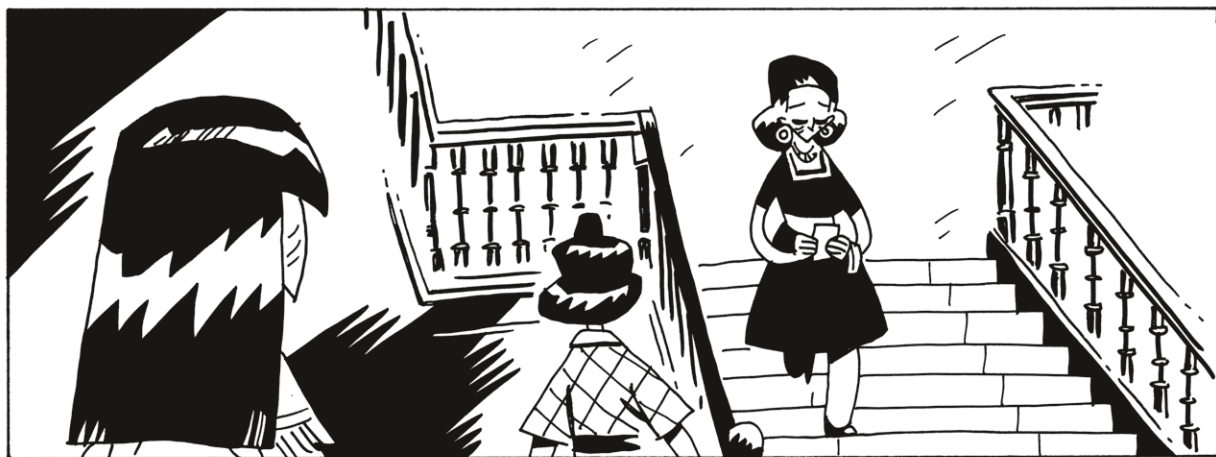
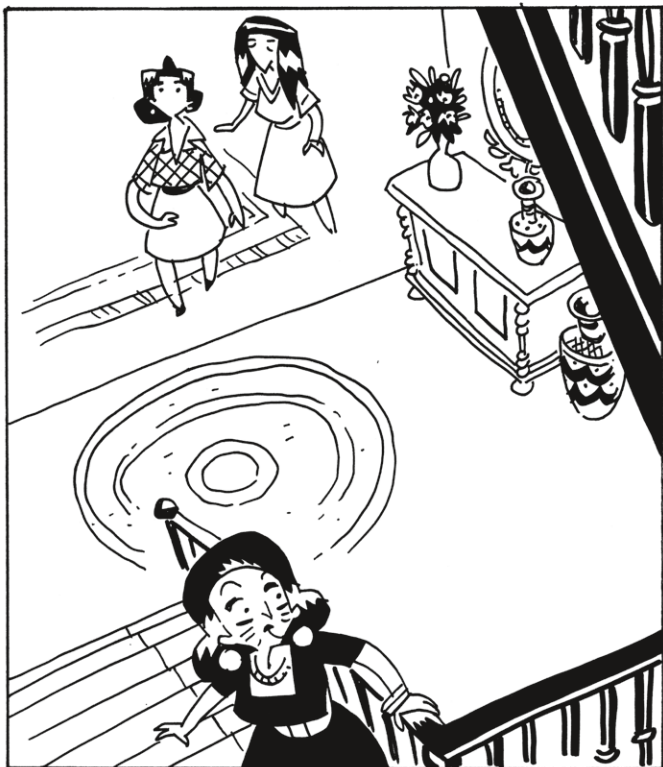
ТОЛЬКО
ВАВОЕМ.

МОИ СЫНОВЬЯ
СОБИРАЛИСЬ
ОТКРЫТЬ
СТРОИТЕЛЬНУЮ
ФИРМУ...

...КАСУЛА
ПОЛУЧИЛ БЫ
РАБОТУ...

...Я БЫЛА
В ЭТОМ
УВЕРЕНА.

Я ВСЕ ЗНАЮ,
ДОМИНГАС.

ОМАР ПОТЕРЯЛ
ГОЛОВУ. БРАТ
ПРЕДАЛ ЕГО.

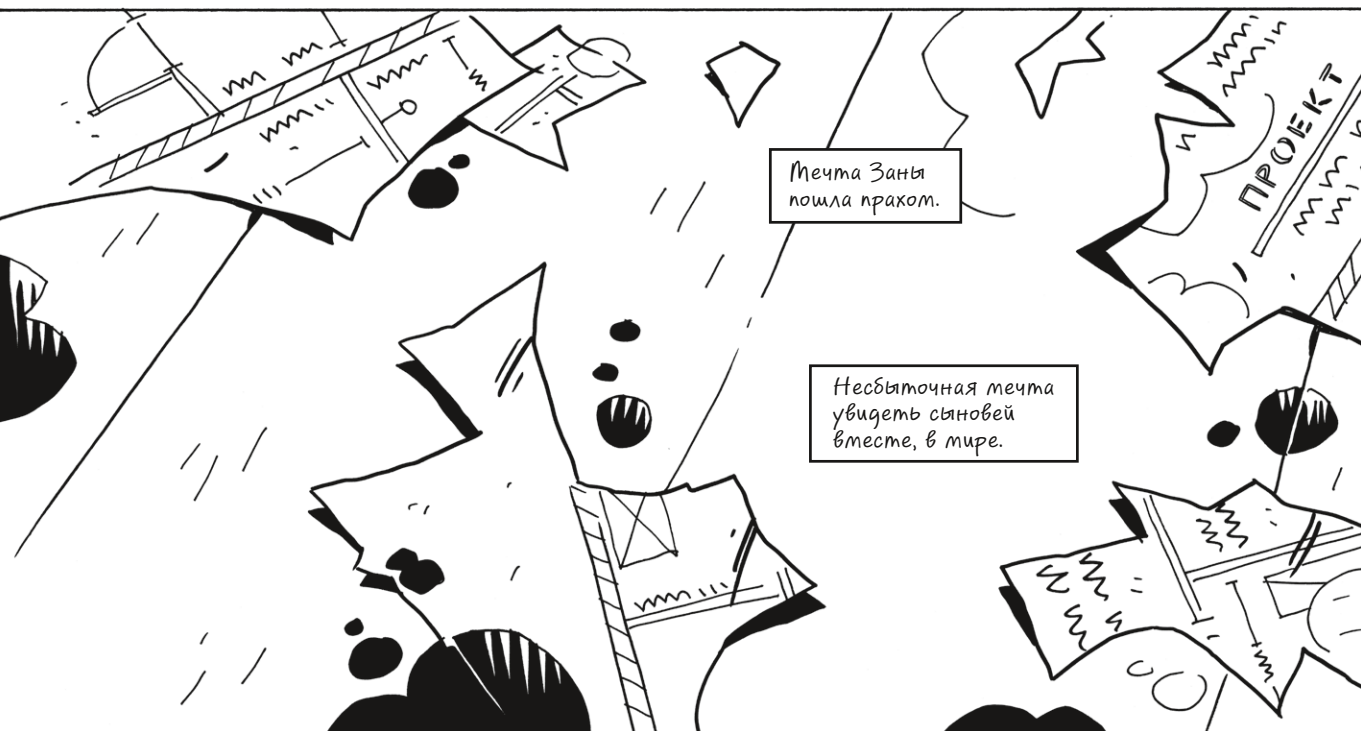
Я видел отблески
сожаления в глазах
Заны. Вина грызла
ее изнутри.

ЯКУБ В ТАЙНЕ
СТЕЛСЯ
С ЭТИМ
ИНДИЙЦЕМ...

НИЧЕГО
НЕ СКАЗАЛ
МОЕМУ
КАСУЛЕ...

ВСЁ
РАЗРУШИЛ.

Мечта Заня
пошла прахом.

Несбыточная мечта
увидеть сыновей
вместе, в мире.

ПРОЕКТ

Глава 10

Я смотрел, как Домингас теряет бодрость, все меньше прислушивается к ритму дома.

Равнодушная к орхидеям, которые она поливала с такой заботой, и птицам, за которыми она наблюдала, после чего вырезала фигурки из дерева.

Последние ее поделки, незаконченные, напоминали ископаемых из давних времен.

Домингас
беспокоилась
о Якубе,
с нетерпением
ждала новостей
о нем...

...но он появлялся только в кошмарах,
когда перед ней представало высокое
тело Касулы, жестоко избивавшего брата.

Но казалось, она переживает
и за Отара, который пропал.

ЭТИ ДВОЕ
РОДИЛИСЬ
ПОТЕРЯННЫМИ.

Через несколько дней после
драки Отара с Якубом
в магазин к Рании пришел
посетитель.

Я ПОТЕРЯЛ
УЙМУ ВРЕМЕНИ
НА ЭТОМ ДЕЛЕ
С ЗЕМЛЕЙ.

НО Я ГОТОВ
УЛАДИТЬ ВОПРОС.
У МЕНЯ К ВАМ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Раня уже догадалась, каким
будет документ. И все равно
победнела, пока читала.

МНЕ НУЖНО НЕСКОЛЬКО
МЕСЯЦЕВ, ЧТОБЫ
ПРИВЕСТИ НАШИ ДЕЛА
В ПОРЯДОК.

Она рассказала матери, что Рочирам уже
знаком с самыми влиятельными людьми города
и пригрозил ей судом, если она не выполнит его
требования.

ЦЕЛОЕ
СОСТОЯНИЕ!

МЫ ДОЛЖНЫ
ВОЗМЕСТИТЬ ЕМУ
СТОИМОСТЬ ЧЕРТЕЖЕЙ,
ЗА КОТОРЫЕ ОН
ЗАПЛАТИЛ ЯКУБУ...

И КОМИССИЮ,
КОТОРУЮ ОН
ЗАПЛАТИЛ ОМАРУ.

ЭТОТ ИНДИЕЦ
ПРОСТО ПРОЙДОХА!
КРОВОТИЙЦА!

РАЗРУШИЛ
БУДУЩЕЕ
МОЕГО СЫНА!

НЕ СТОИЛО
ОТПРАВЛЯТЬ
ЯКУБУ
ТО ПИСЬМО...

...СМОТРИ,
ЧТО ОН СДЕЛАЛ
С БРАТОМ.

НИЧТО
В МИРЕ
НЕ УСТОКОИТ
ТОГО, КОГО
ПРЕДАЛИ.

МОЖЕТ, ЯКУБ
СОЖАЛЕЕТ
О СДЕЛАННОМ,
МАМА.

ОН
НЕ СТАНЕТ
ПОДАВАТЬ
В СУД.

ТЫ НИКОГДА
НЕ ЖИЛА
С МУЖЧИНОЙ...

...А УЖ ТЕМ
БОЛЕЕ
С СЫНОМ.

Несколько недель в отсутствие Касулы Зана путала прошлое с настоящим, воспоминания об отце с воспоминаниями о Халите.

В воскресенье она отнесла Халиту цветы и вернулась в скорби.

МОЙ ОТЕЦ.

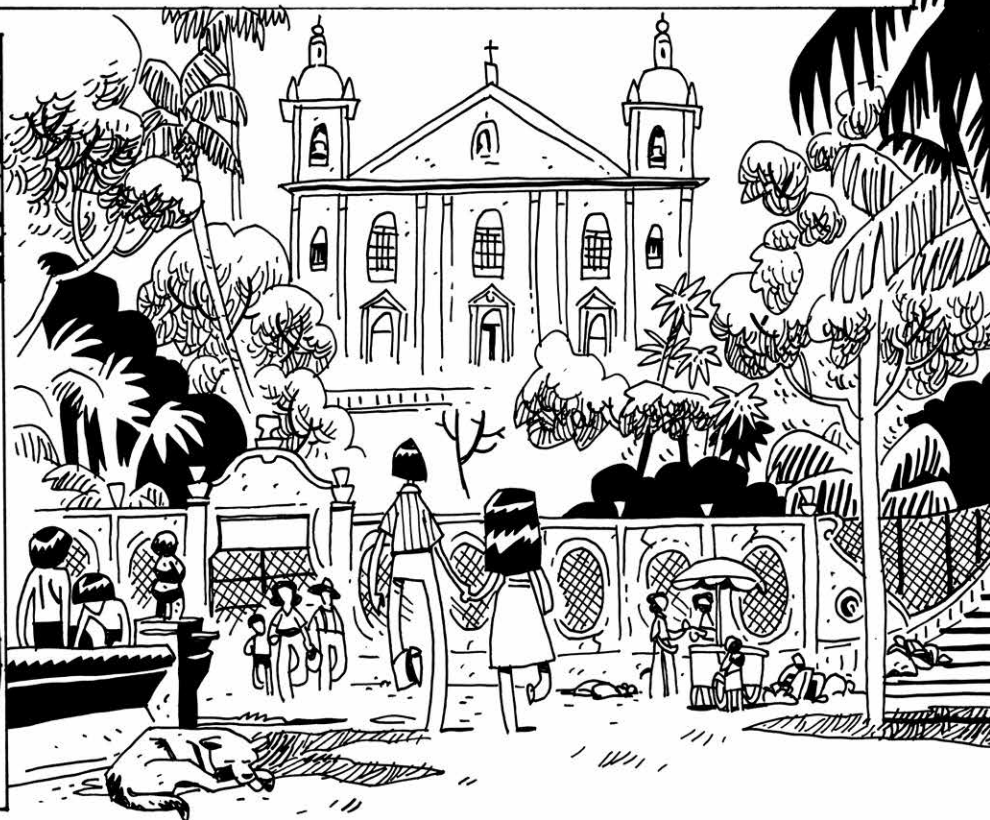

Ее преследовал образ отсутствующего сына. Тарелка, стакан и столовые приборы Касулы всегда были на его месте во главе стола.

СЫНОК...

ПОЙДЕМ
ПОГУЛЯЕМ.

Все силы и душа моей матери
ушли на служение другим.

Она молчала до самого
конца, но все же не унесла
в могилу секрет, который
так меня волновал.

Я попросил Ранию, чтобы маму
похоронили на семейном участке,
рядом с Халитом.

Мои мать и дед. Они
пришли сюда издалека, чтобы
умереть здесь.

Дом постепенно опустел...

...и быстро
состарился.

Рания больше не могла смотреть, как мать живет с призраками. К тому же при одной мысли об угрозе Рочирата она чувствовала себя загнанной в угол.

Она купила домик в районе Манауса, возникшем на месте леса.

Я НИКОГДА НЕ ПОКИНУ СВОЙ ДОМ.

У ТЕБЯ САМАЯ ПРОСТОРНАЯ КОМНАТА...

...И ТАМ ЕСТЬ САДИК ДЛЯ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ...

...И ДАЖЕ ВЕРАНДА, ЧТОБЫ ПОВЕСИТЬ ГАМАК.

САМА ЕЗЖАЙ В СВОЙ ДОМИК.

Я С МЕСТА НЕ САВИНУСЬ.

И тогда Рания ушла, оставив дом и свою комнату.

Гости заходили все реже.

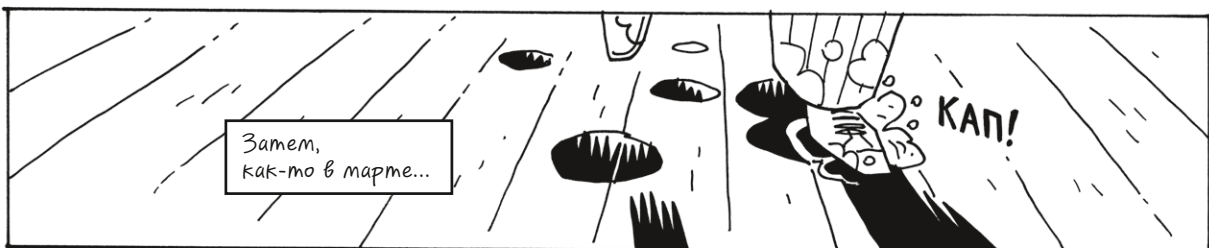
Мы с Заной остались одни.

Постепенно Зана рассказала мне то, что, возможно, немногим было известно.

ИМЯ, ДАННОЕ МНЕ ПРИ КРЕЩЕНИИ В БИБЛЕ, — ЗЕЙНА.

КОГДА Я ПРИЕХАЛА В БРАЗИЛИЮ, Я ВЫУЧИЛА ПОРТУГАЛЬСКИЙ И ИЗМЕНИЛА ИМЯ.

Несколько дней спустя Зана подписала договор о продаже. Это случилось в больнице рядом с домом Рании. Вероятно, то была последняя попытка матери примирить сыновей.

Она переехала до того,
как наступила развязка.

Глава 11

Зана умерла, когда Касула был в бегах. Ей не довелось увидеть переделку дома. Смерть оградила ее, потому прочих, и от этого потрясения.

В честь открытия отеля «Каза Рочирам» состоялась шутная вечеринка для политиков и офицеров высшего состава. Говорят, приехали важные люди из Бразилии и других городов.

Манаус быстро разрастался, и тот вечер был одним из предвестников грядущей бурной жизни.

Гания поняла, что ее брат
из Сан-Паулу высчитал
правильный момент для удара.

Якуб дождался,
когда мать
успит.

В Сан-Паулу он нанял
адвокатов и организовал
охоту на Касулу.

В тот день, избив Якуба, Омар заявился в больницу,
где снова едва не кинулся на брата.

Было полно свидетелей,
докторов и медсестер,
предотвративших новую
агрессию уже в больнице.

К тому же Якуб
прошел остер,
доказавший побой.

Бегство только
ухудшило ситуацию
для Омара.

Теперь он пытался сбежать
не от материнских когтей,
а от представителей закона.

Он прыгал с насеста
на насест, проводил ночи
в разных убежищах, домах
собутельников.

Рания потеряла след брата.
К ней стали приходить
владельцы пансионатов
и меблированных комнат.

Угрозы. Долги Омара.

Рания не могла
оплатить все
долги брата. Она
знала, что нужно
сберечь деньги
на то, что случится
в дальнейшем.

Рано или поздно время
и случай берут верх
над нами.

Тем апрельским днем,
когда уже моросил дождь,
Рания заметила брата
на площади Акаций.

Первые несколько недель в тюрьме Омару не давали ни с кем видеться. Позже Рания узнала, что брата несколько дней держали в военном штабе, — наверное, его дружба с Лавалем была в некотором роде политическим клеймом.

Омара приговорили к двум годам и семи месяцам заключения.

В письме Якубу Рания высказала то, что никто не остеливался произнести.

Она напостила ему, что мести куда ничтожнее прощения.

Разве он уже не отомстил, когда похоронил мечты матери?

Она написала, что он, Якуб, отверженный, обиженный, к тому же более жестокий из двух братьев и будет судим за это.

Пригрозила ненавидеть его до конца дней своих, если он не откажется от иска к Омару.

Якуб счел, что молчание будет более эффективно, чем ответное письмо.

Примерно в то же время я отделился от Рании. Она обижалась на меня за равнодушие и презрение к ее сидящему в тюрьме брату.

В глубине души она знала, о чем я все время думал и что съедало меня изнутри.

Я отстранился от мира коммерции: он всегда был не для меня.

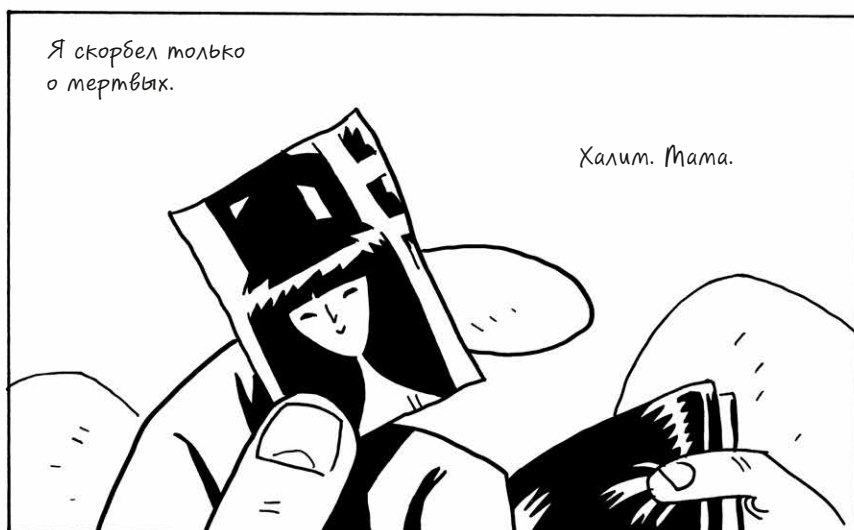
Я уже выбросил обрывки архитектурных планов Якуба, так яростно уничтоженных Омаром.

Меня никогда не увлекали чертежи и тем более книги по математике, которые так гордо вручил мне Якуб.

Я хотел дистанцироваться от всех этих вычислений, от прогресса с его амбициями.

От будущего, которое представлялось мне бескончаемым заблуждением.

То, чего так страстно желал Халим,
удалось братьям: ни у одного
не было детей.

Некоторые наши желания
исполняют другие.

Наши кошмары
принадлежат нам.

Эпилог

В то время я тщетно пытался написать другие строки. Но, казалось, слова жаждут забвения и стерти.

Они спят, похороненные глубоко внутри нас, чтобы вспыхнуть позже и медленно разгореться под властью желания поведать о прошлом.

Время, притупляющее воспоминания, — их сообщник.

«Только время превращает наши чувства в правильные слова», — как-то сказал мне Халим.

Архитектор оставил
в планах перестройки
здания обходной путь
на задний двор.

Это была моя территория,
маленький клочок сада с лачужкой.

«Твое наследство», —
сказала мне Рания.

Потом я узнал,
что так хотел
Якуб.

Он хотел не только
разрушить жизнь брата,
но и облегчить мою.

Когда Омар вышел из тюрьмы, я видел его как-то раз под вечер. Это была наша последняя встреча.

Из-за молнии в «Каза Рочирам» случилось короткое замыкание.

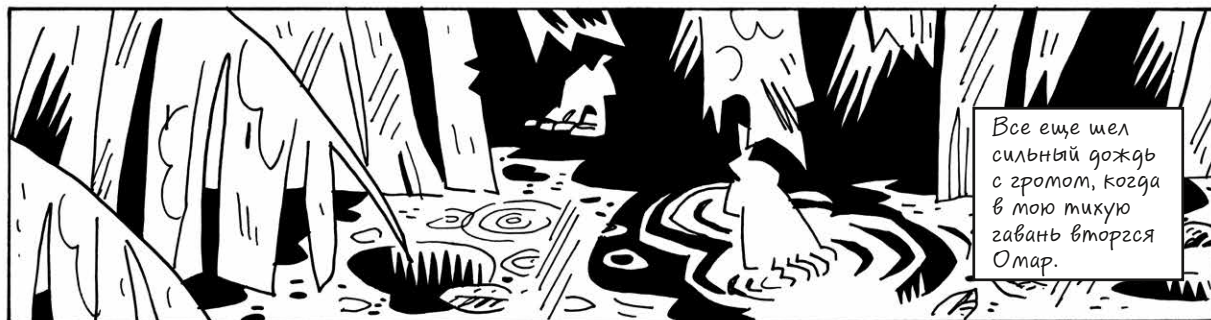
Потню, как я нервничал в тот пастурный день. Я провел свой первый урок в лицее, где когда-то учился.

Я начал разбирать стихи Антенора Лавалья и записывать разговоры с Халимом.

Часть дня я провел, читая слова неопубликованного поэта и вспоминая голос возлюбленного Заны.

Все еще шел сильный дождь с громом, когда в мою тихую гавань вторгся Омар.

Милтон Хатум, один из наиболее известных современных бразильских писателей, родился в 1952 году в Манаусе. Профессор и переводчик, автор романов и коротких рассказов, он написал четыре романа, получивших премии и изданных на двенадцати языках в четырнадцати странах: «Tale of a Certain Orient» (Blumnsbury, UK), «Ashes of the Amazon» (Bloomsbury, UK), «Orphans of Eldorado» (Canongate, UK) и «The Brothers» (Bloomsbury, UK; Farrar, Straus and Giroux, USA). В опросе, проведенном двумя ведущими бразильскими газетами «The Brothers» были названы лучшим бразильским романом 1990–2005 годов. По трем романам Хатума сняты фильмы.

Фабио Мун и Габриэль Ба — братья-близнецы, рожденные в 1976 году в Сан-Паулу, Бразилия, где они живут и по сей день. Вот уже больше пятнадцати лет они рассказывают истории в своих комиксах, изданных на двенадцати языках.

В 2008 году они получили свою первую премию Айснера за «5» (самоизданную антологию, созданную в соавторстве с Бекки Клуна, Василисом Лолосом и Рафаэлем Грампой), «Академию "Амбрелла"» (в соавторстве с Джерардом Уэем) и «Sugarshock!» (в соавторстве с Джоссом Уидоном). С Клуна и Лолосом они снова объединились в 2009 году ради создания графического романа ужасов «Рихи».

Последнее их произведение, «Мечтатель», получило множество наград и международное признание. С тех пор чудо-близнецы из Бразилии путешествуют по свету, чтобы разделить с читателями свою любовь к комиксам — столь же крепкую, как чашка горячего крепкого кофе.

Приключения и фэнтези

Графические романы

Биографии

Арт-комиксы

Познавательные

Читают дети

ПРИВЕТ!

МИФ Комиксы

Все комиксы
на одной странице:
mif.to/comics

Подписывайтесь на полезную
рассылку: книги, скидки и подарки
mif.to/com-letter

#mifcomics

Издание для досуга

Фабио Мун, Габриэль Ба
ДВА БРАТА

Шеф-редактор Анна Сиваева
Ответственный редактор Мария Соболева
Арт-директор Елизавета Краснова
Верстка Валерий Харламов
Леттеринг в блоке Андрей Кудрявцев
Верстка обложки, леттеринг на обложке Елена Мнацаканян
Литературный редактор Татьяна Бобрецова
Корректоры Надежда Власенко, Дарья Балтрушайтис

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2
mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mitcomics
instagram.com/mitcomics
telegram.me/mitcomics

ISBN 978-5-00146-981-0

18+

Ливанские иммигранты Халим и Зана начинают совместную жизнь. И вопреки желанию Халима заводят детей. Их близнецы Омар и Якуб — похожие как две капли воды, но совершенно разные по характеру — становятся причиной медленного распада семьи. Братьев еще подростками разлучают на пять лет, надеясь, что все ссоры и разногласия позабудутся. Однако расстояние и время только подчеркивают разницу, а непростые отношения братьев усугубляет ревнивая любовь матери, болезненно привязанной к дому и мечтающей контролировать жизнь каждого члена семьи. Все это скрыто в стенах дома, но происходит на глазах одного почти незаметного зрителя — рассказчика, который и сам — одна из тайн, что навсегда останутся здесь, в доме Заны, в портовом районе Манауса.

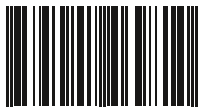
“

Эта книга сразу попадет в список самых важных графических романов, которые вы когда-либо читали. Двое потрясающе талантливых авторов рассказывают эту историю так, как могут только они. Читать ее одно удовольствие.

Брайан Бендис, автор комикса
«Стражи Галактики»

”

ISBN 978-5-00146-981-0

9 785001 469810 >

издательство
МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

vk.com/mifcomics
 instagram.com/mifcomics
 telegram.me/mifcomics